

ВЕДЬМЫ НЕ ПЛАЧУТ

ИЛИ КАК ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ ПРИНЦА ТЕНИ

ТАША ФОКС

18+

Таша Фокс

Ведьмы не плачут, или как избавиться от принца тени

<https://litres.ru/73938999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разгромить квартиру бывшего — сделано. Сбежать в деревенский дом бабушки — легко. Обнаружить, что бабушка оставила в наследство не только старый дуб, но и древний артефакт, фамильяра-хама и проблемы с Теневым Советом — это уже перебор.

Крис ещё не в курсе, что она ведьма. Сумрак, наследный принц Теней, ещё не в курсе, что угрозы тут не помогут. Их первая встреча — искры и взаимное желание придушить друг друга. Вторая — окровавленный свитер, чай на кухне и вопрос: «Где у вас йод?»

Ведьмы не плачут. Ведьмы спасают принцев. Даже если этот принц — акула, которая ещё вчера хотела отжать у тебя дом. Даже если его враги уже здесь. Даже если кот смотрит так, будто знает, чем всё закончится, но молчит, паршивец.

Сбежать от судьбы? Не в этот раз.

Содержание

Глава 1 - Кристина	4
Глава 2 — Двейн Свайрон, он же Дмитрий Сумрак	15
Глава 3 — Кристина «Вечер перестает быть томным»	20
Глава 4 — Сумрак	34
Глава 5 — Наследство	45
6 глава — Тишина в машине	50
7 глава — Проснись и пой ведьма	55
Глава 8 - Тени на снегу	68
Глава 9 — Сумрак. «Трещина в броне»	80
Глава 10 — «Совет Пяти»	87
Глава 11 — Кристина. «Эхо прошлого»	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Таша Фокс

Ведьмы не плачут, или как избавиться от принца тени

Глава 1 - Кристина

Наше время. 2025 год. Россия, город Санкт-Петербург

Квартира ещё пахла им — так, будто он всё ещё здесь, и от этого тошнило. Крис стояла посреди гостиной, сжимая в кулаке чужой ключ. Сердце колотилось у горла. Ярость перекатывалась внутри горячей волной, требовала выхода.

«Ты никуда не денешься. Кому ты нужна?» — его слова до сих пор звенели в ушах. Она почти поверила. Почти.

Футболка с логотипом группы, которую она ненавидела, поддалась не сразу — хлопок сопротивлялся, а потом запел: р-р-раз! — противный, сочный треск. Пальцы дрожали, но внутри что-то щёлкнуло и отпустило. Крис швырнула обрывки в угол. Они упали с мокрым шлепком.

«Ну привет, классика жанра. Сцены разгрома в фильмах всегда казались пафосными. А на деле — просто глупо и очень громко».

Джинсы пошли легче. Старые, с протёртыми коленями — он в них возился со своими компьютерными железяками, гор-

дый, как ребёнок. Ножницы вошли в шов, и ткань затрещала, разрывая тишину на лоскуты. Каждый треск выдёргивал из груди занозу, но облегчение длилось секунду. А потом возвращалось — тупое, скребущее, требовало: дальше. Ещё.

Она подошла к столу. Комплектующие. Его сокровища. Те, ради которых он мог забыть о ней на три часа, а потом ещё полтора рассказывать, какая у него теперь мощная видеокарта. «Как у космического корабля», — говорил он. Она тогда закатила глаза. Теперь взяла жёсткий диск — холодный, тяжёлый — и с размаху швырнула об пол.

Металл взвизгнул, пластины брызнули осколками по паркету. Видеокарта хрустнула под кроссовками — сухо, с противным треском. Материнская плата переломилась пополам, как сухая ветка. Остальное уже не имело значения.

Виктор. Правильный, гладко выбритый, с улыбкой, под которой гнильца пряталась глубже, чем ей казалось. «Милая, я так тебя жду», — это не ей, это другой, с ником «Заинька_92». Банально до зубного скрежета.

Крис выпрямилась, стирая пот со лба. «Мамочка была бы в шоке. Бабушка — наверное, одобрила бы».

Вещей оказалось до смешного мало. Несколько футболок, джинсы, тёплая кофта, паспорт. Три года с «таким мужчиной», а скарб поместился в студенческий чемодан. И только когда молния почти закрылась, она вспомнила про бабушкин подарок.

Свёрток лежал на дальней полке, за старой простынёй —

будто прятался. Мягкая ткань, выцветшая лента. Внутри — блокнот в кожаном переплёте с медальоном, впаянным прямо в обложку. Овальный, с завитушками по краям, а в центре — камень. Тёмнокрасный, почти чёрный, но когда свет падал правильно, внутри вспыхивали искры. Как угли в костре.

«Бабушка, ну и штучки ты любила».

Она помнила тот день. Ей было шестнадцать, она носила чёрную помаду и считала, что мир несправедлив. Бабушка — тогда ещё крепкая, с острым взглядом — вручила ей свёрток и сказала: «Храни пуще жизни. Никому не показывай. Никому не отдавай». Крис тогда кивнула и сунула подарок в рюкзак. А через много лет, осенью, бабушки не стало.

И вот теперь слова той ночи возвращались — не просьбой, не напоминанием, а холодным касанием к затылку.

«Слушай меня, внучка. В ту ночь, когда луна станет кроваво-красной, а звёзды затрепещут, как свечи на ветру, ты услышишь зов...»

Она помнила каждое слово. Чёрный кот, теневое видение, древнее дерево, дар, испытания. Тогда Крис подумала: «Бабуля дала жару». Заглянула в серьёзные глаза и поняла — нет, не шутка. И забыла. Просто стёрла из памяти всё, что не вписывалось в «нормальную жизнь». А теперь воспоминания возвращались — с дрожью и холодком под кожей.

Она уже взялась за дверную ручку, когда услышала звук. Глухой хлопок — как если бы кто-то хлопнул в ладоши в

соседней комнате. А потом — мягкое, быстрое цоканье по паркету.

Волосы на руках встали дыбом. «Идеальный финал дня. Мало мне разбитого сердца, теперь ещё и глюки».

Любой нормальный человек на её месте вышел бы, не оглядываясь. Но Крис всегда страдала избыточным любопытством — тем самым, которое в детстве заставляло заглядывать в заброшенные колодцы. И ещё одним: она привыкла идти в опасное, даже когда внутри всё кричало «стой».

На цыпочках двинулась в гостиную.

В углу, в самом тёмном месте комнаты, вспыхнули два жёлтых огня. Крис замерла. Они смотрели. Не моргали. Секунда. Другая. Хлопок — и пустота.

«Чертовщина, — выдохнула Крис, чувствуя, как сердце ухнуло куда-то в колени. — Либо глюки, либо я слишком много смотрела ужастиков в юности».

Фонарик телефона выхватил пустой плинтус, пыль на паркете — и больше ничего. «Отлично. Просто отлично. Я схожу с ума. Это было в планах, но не сегодня».

Она окинула взглядом разгромленную квартиру. В груди было пусто — ни злости, ни боли, только странная лёгкость. — Прощай, Витя. Надеюсь, у тебя аллергия на пыль от твоей видеокарты.

Дверь хлопнула. Лестничная клетка встретила запахом чужой жареной картошки. Крис надела куртку, вышла на улицу — и сразу ветер. Холодный, злой, с ледяной крупой,

которая летела в лицо. Злые льдинки жалили щёки, лезли в глаза. «Вот это весна. Климат решил поддержать моё настроение».

Люди шли навстречу, переваливаясь, как пьяные пингвины. Крис поймала себя на том, что улыбается — глупо, нервно. Метро встретило тёплым воздухом, почти ласковым. Она достала телефон.

«Так, мозг, включайся. Куда идти?»

Подруг нет — Виктор позаботился. Денег на съём — кот заплакал. И тут из глубин памяти всплыло: бабушкин дом. Лопухинка.

«Неказистый, обветшалый, зато свой. И бесплатный».

«Решено. Еду в Лопухинку. Бабуля, принимай блудную внучку. Больше идти некуда».

Она набрала расписание. Электричка через сорок минут.

Электричка оказалась полупустой. Крис нашла угол у окна, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном бушевала пурга, а колёса отбивали ритм: так-так, так-так. Звуки складывались во что-то странное — песню без слов.

«Станция Старый Петергоф! Следующая — Калище!»

Крис подскочила, схватила чемодан и вылетела на платформу за секунду до того, как двери захлопнулись. — Дурища, — выдохнула она. — Чуть не проехала.

Вокзал встретил её сквозняками и запахом дешёвого кофе. Крис заняла место у окна, хотела уже задремать, когда дверь хлопнула с такой силой, что задребезжали стёкла.

— Стоять, паршивец!

Мужчина в заляпанном фартуке, красный как рак, нёсся за вихрастым мальчишкой лет тринадцати. Парень петлял между сидений с грацией блохи: глаза горят — смесь страха и азарта.

— Дядь, ну дядь! Не брал я ничего! Чего пристал?

— Врёшь! Я видел, как ты яблоко спёр! Отдай или заплати!

Продавец запыхался. Крис поднялась.

— Мужчина, можно вас на минутку?

Продавец разогнулся, уперев руки в бока. — А вы кто ему? Смотрели бы лучше, чем советы раздавать!

— Никто я ему. Просто не люблю, когда кричат так, будто он корону Британской империи спёр, а не яблоко за тридцать рублей.

Он опешил. — Тридцать рублей или тридцать тысяч — воровство есть воровство!

— Понимаю. — Крис протянула пятьдесят рублей. — Я заплачу. А вы сердце поберегите. Сдачи не надо.

Продавец хмыкнул, но деньги взял. Пальцы у него были красные, обветренные. — Ладно. Но ты, пацан, запомни: ещё раз увижу — разговор короткий.

И ушёл. На полпути обернулся: — А вы, девушка, зря это. Такие на шею садятся. — Спасибо за совет. Я уж как-нибудь сама.

Крис перевела взгляд на мальчика. Тот стоял, втянув го-

лову в плечи, но смотрел изучающе — как бездомный кот, которому протянули колбасу.

Она вернулась на место. Парень помялся, потом подошёл и сел через сиденье. Достал яблоко — помятое, но целое.

— Забирайте. Вы заплатили — значит, ваше. Я чужого не ем.

— Украсть — это, по-твоему, не чужое?

— То другое. Мне доказать надо было. Пацанам. Поспорили, что струшу. А я не струсил.

Крис вздохнула. — Герой. Как зовут?

— Тихон. Все Тишкой кличут.

— А я Крис. Так вот, Тишка: сегодня яблоко, завтра кошелёк, послезавтра — срок. Сколько тебе?

— Тринадцать, — буркнул он и вдруг с вызовом добавил: — А вы мне кто — мамка? Нотации читать?

— Никто. Но я за яблоко заплатила, так что выслушай одну. Считаю, что бонус к покупке.

Тишка неожиданно фыркнул. — Ладно. А вы куда едете?

— В Лопухинку. Там бабушкин дом на окраине.

Парень оживился. — Да ладно! Я сам оттуда. А чей дом? На краю только бабка Клавдия жила, но она... померла по осени.

У Крис сжалось сердце. — Это моя бабушка. Клавдия.

Тишка замолчал. — Так вы её внучка? Про вас болтали. Будто у Клавдии дар был. Глупости конечно. Но вас в деревне всё равно побаиваются.

Динамик прохрипел расписание. Автобус до Лопухинки.

В автобусе пахло бензином и старыми носками, но было тепло. Крис села у окна, Тишка — через проход. Он тарахтел без остановки, потом разговор перетёк на Лопухинку.

— Вашу бабушку тут каждая собака знала. Болтали, будто ведьмой была. Я в сказки не верю. Многие к ней тайком ходили. Травы, заговоры, советы. Она вам разве не рассказывала?

— Бабушка много чего не мне рассказывала.

— Дуб её тоже все боятся в деревне. Тот что за огородом стоит — огромный и старый. Один мужик сучок спилил, так ему руку свело. Ощущение что у дуба холодный огонь внутри. И тени под ним необычные. Будто кто-то стоит и смотрит. А когда уходишь вся спина мокрая.

Крис помнила, как сидела под этим дубом в детстве, и бабушка говорила: «Он видит тебя, Крися. Ты ему нравишься». После того разговора ей снились странные сны.

— А ещё приезжал тут один. Из Питера. На чёрной тачке, пальто до колен. Важный, как директор кладбища. Выкупил кусок у околицы — где ваш дом, и участок у дуба. Фамилия ещё странная такая. Сумрак. Тётка, когда услышала крестилась: «Имя-то нехристьянское».

Ладони Крис стали холодными. Фамилия легла на язык тяжёлым холодным камнем — и отозвалась где-то в груди тупым, сосущим напряжением. Что-то знакомое — словно нота из забытой мелодии.

«В доме появится мужчина — теневое видение». Крис тряхнула головой. «Не накручивай».

За окном мелькали поля. Тишка замолчал. Фонарь на столбе коротко мигнул, и Крис почему-то сразу подумала о дубе. Один раз, коротко, будто кто-то моргнул. Она не успела испугаться: автобус уже затормозил.

Автобус высадил их у остановки с покосившимся расписанием. Деревня лежала перед ними — тихая, притихшая. Чёрные ветви яблонь на сером небе.

— Вам туда. Прямо, потом поворот к лесу. Дом последний. А мне сюда.

— Да уж сама знаю, куда идти. Давай уже беги к тетке.

Тишка вдруг сунул яблоко ей в руки. — Возьмите. Вы заплатили — значит, ваше. Я чужого не ем.

И побежал. Уже на бегу крикнул: — Я завтра зайду! Замок там хорошенько поищите, он просто так не открывается!

«Вот выдумщик», — промелькнуло в мыслях.

Крис убрала яблоко в карман. Оно было ещё тёплым.

Дорога заняла почти час. Снег лежал плотным настом, чемодан постоянно застревал. Ноги проваливались. С матами и такой-то матерью, она плелась с черепашьей скоростью в сторону дома.

Вокруг стояла глубокая, почти осязаемая тишина — такая, что звон в ушах казался громким. И тишина эта была не просто тихой — она смотрела. Где-то каркнула ворона, и одинокий крик только подчеркнул безмолвие.

Дом показался из-за поворота.

Чёрные, чуть покосившиеся стены. Белые наличники с резными знаками — раньше она думала, просто узор. Теперь пригляделась — и по спине пробежал холодок. А за домом, тёмной кроной на сером небе, высился дуб.

Огромный. Больше, чем она помнила. Ветви раскинуты, и даже без листвы он казался живым. Не деревом — существом. Тени под ним лежали гуще, плотнее, будто вечер наступал там быстрее. И воздух был... другим. Тяжелее.

«Холодный огонь внутри». Крис поёжилась. — Так, меньше мистики. Дом, печка, чай. Именно в таком порядке.

Она подошла к двери. Замок не поддавался. Ключ упирался во что-то невидимое, какую-то преграду. И тут она вспомнила: бабушка никогда не запирала дверь. «Замок просто так не откроется. Только для того, кого дом примет».

Крис прижала ладонь к дереву. — Бабуль, ну пусти. Это я, Крися.

Дверь мягко подалась внутрь. Без скрипа, без щелчка — просто открылась. Дом пах так же, как в детстве. Сухие травы, старая древесина, тепло, которого не должно было быть в пустом доме. Крис шагнула через порог, и за спиной что-то мягко щёлкнуло. Дверь закрылась сама. Не захлопнулась — прикрылась. Как будто дом сказал: «Заходи, я ждал».

Внутри пахло травами, полынью, мятой. Запах бабушкиного дома. Запах детства. Крис нащупала выключатель. Лампа мигнула и разгорелась жёлтым светом. Старый диван под

клетчатым пледом. Комод с фотографиями. Пучки трав под потолком.

Она взяла рамку: мама молодая, смеющаяся. Рядом — Крис в пять лет на бабушкиных коленях. Бабушка смотрела с той самой улыбкой — мягкой, лукавой, будто знала что-то.

На столе, придавленное бронзовым подсвечником, лежало письмо. Конверт из желтоватой бумаги, сургучная печать. «Кристине. Лично». Внутри, кроме письма, прощупывался твёрдый предмет.

Крис хотела открыть сразу, но остановилась. Голос внутри: «Не сейчас. Сначала пойми, куда ты попала».

Она положила конверт обратно и подошла к окну. За стеклом стемнело. Только силуэт дуба на сером небе. И ощущение, что она здесь не случайно.

Шорох.

Мягкое скольжение по крыльцу. Крис замерла. Вдох. Тишина. А потом — три удара.

Бум.

Бум.

Бум.

Чётких, неторопливых, весомых. Во рту пересохло. Она сделала шаг к двери, но на полпути замерла, коснулась пальцами медальона в кармане. Камень под пальцами был тёплым — живым. Это пугало больше, чем стук в дверь.

Крис сжала тёплый камень в кармане и пошла.

Глава 2 — Двейн Свайрон, он же Дмитрий Сумрак

Санкт-Петербург, Английская набережная. Кабинет на втором этаже старого особняка.

Карта вспыхнула в половине первого ночи.

Сумрак сидел за столом, просматривая сметы — цифры складывались удачно, когда на периферии сознания что-то дёрнулось. Не звук, не свет — ощущение. Так чувствуют, как за спиной открывается дверь, хотя ветра не было. Древний инстинкт, выработанный за триста лет выживания, сработал раньше разума. И вместе с ним — холодок, которого он не чувствовал очень давно. Страх. Не за себя. За то, что началось.

Он медленно отложил бумаги и повернул голову.

В углу кабинета, на специальной полке у книжного шкафа, стояла магическая карта — старый артефакт, который гости принимали за антикварный барометр. Овальная рама чёрного серебра, тусклое стекло, а под ним — серебристая сетка энергетических потоков северо-запада России. Сейчас эта сетка больше не была серебристой.

Там, где ещё утром тлело бледно-серое пятно — ровное, спокойное, угасающее, как зола в остывающем камине, — горел ярко-красный огонь. Он пульсировал, как сердце. Ря-

дом с ним, по краям, зажигались точки помельче — синеватые, едва заметные. Так реагировали спрятанные артефакты. Так реагировала сила, которую не трогали очень, очень давно. Сумрак смотрел на карту и чувствовал: магия в доме не просто есть — она дышит. Рядом с основным красным пятном проступали слабые синеватые точки — артефакты, спрятанные в земле и в стенах. Дом Клавдии был не просто жилищем. Он был ловушкой. Или хранилищем. Или тем и другим сразу.

Лопухинка. Дом Клавдии.

Сумрак поднялся. Он не бежал к карте — он вообще редко бегал. Но подошёл быстрее, чем обычно.

— Внучка, — произнёс он в тишину кабинета. Слово повисло в воздухе, и Сумрак на мгновение замер. Потом медленно выдохнул — так, как выдыхают перед ударом. Приговор. Или надежда. Он сам ещё не решил. Но внутри, где-то под рёбрами, уже шевелилось что-то старое и опасное: он боялся не её. Он боялся, что она окажется той самой.

Клавдия умерла осенью. Он знал это точно: теневые слуги доложили. С тех пор дом стоял пустой, и магический фон медленно остывал. Сумрак не торопился. Он ждал, пока истечёт срок наследства, чтобы выкупить участок легально — так было проще, чем связываться с неизвестной внучкой, которая могла бы предъявить права на землю. Но теперь внучка приехала сама. И дом проснулся.

Он вспомнил Клавдию. Её спокойную улыбку, её отказ

— твёрдый, но не резкий. «Эта земля не продаётся, господин Сумрак. Приходите, когда придёт время». Тогда он решил, что старуха просто не хочет продавать. Теперь — нет. И мысль эта царапнула где-то глубоко — там, где он давно ничего не чувствовал.

Красный огонёк пульсировал ровно. Значит, сила рода всё ещё там. Значит, медальон всё ещё там. А если девчонка уже активировала дар...

Сумрак взял телефон, набрал номер.

— Андрей. Машину к подъезду. Я выезжаю в Лопухинку. И досье на внучку Клавдии. Имя, возраст, привычки. Всё, что нароете.

— Будет сделано, — сухо отозвался помощник. — К утру ждать?

— Нет. Вернусь, когда разберусь.

Он положил трубку, не прощаясь. Затем подошёл к шкафу, достал чёрное пальто. Одевался быстро, без обычной неторопливости, но каждое движение было точным и выверенным. Он не позволял себе спешить — спешка для слабаков. Но мысль о том, что где-то в Лопухинке только что проснулась магия, с которой он не сталкивался много лет, заставляла сердце биться чуть быстрее.

Он не знал, что именно ждёт его в Лопухинке. Девчонка могла оказаться пустышкой. Могла оказаться угрозой. Могла — тем, о ком он запрещал себе думать последние триста лет. Он запрещал себе думать об этом триста лет. Но сей-

час запрет слетел сам — сорвался, как заржавевшая защёлка. Пророчество всплыло из глубины памяти не словами, а холодом: «Придёт та, что глушит Тьму, и тогда Принц потеряет всё или обретёт всё». Сумрак поморщился. Он ненавидел пророчества. Особенно те, которые сбываются. Но то, что она появилась именно сейчас, когда сделка по земле почти завершена, — совпадением быть не могло. Клавдия никогда ничего не делала просто так.

Сумрак застегнул пальто и бросил короткий приказ теневому слуге: «Присмотреть за кабинетом. Если что-то изменится на карте — доклад немедленно». Тень в углу шевельнулась и замерла, подтверждая, что приказ принят.

Чёрный «Мерседес» уже ждал у подъезда. Водитель открыл дверь, но Сумрак остановил его жестом: — Сегодня я сам.

Он сел за руль, захлопнул дверцу и на секунду прикрыл глаза. Ему нужно было собраться. Поездка предстояла недолгая — часа полтора по пустой ночной трассе. Но за это время следовало продумать стратегию.

Кем быть? Бизнесменом, который купил землю? И это правда, документы подтвердят.

Но выглядит нелепо: девелопер ночью проверяет участок. Принцем Теней?

«Здравствуйте, я из Теневого Мира, ваш дом только что засветился на моей карте». Он представил её лицо: растерянное, настороженное, и сразу отмёл оба варианта. Одно оста-

валось безопасным: тот, кто знал бабушку. Сослаться на старую сделку, попросить разрешения осмотреть дом. А там — по обстоятельствам.

Сумрак завёл мотор и вырулил на набережную. Снег валил крупными хлопьями, фары выхватывали из темноты белую пелену. Город оставался позади — сначала огнями в зеркале заднего вида, потом просто смутным заревом над горизонтом.

Он думал о том, что скажет ей. И ещё о том, почему при мысли о неизвестной девчонке с медальоном появлялось незнакомое чувство. Не от страха — с этим он умел справляться. Что-то другое. Словно он слишком долго ждал, сам того не зная. Словно Клавдия, даже мёртвая, продолжала вести свою партию. Он шёл туда, куда она его вела, — и это было больше, чем сама неизвестность. Потому что он, Принц Теней, триста лет живший на своей воле, сейчас подчинился воле старухи, которую уже не было в живых.

— Дело дрянь, — сказал он себе вслух. — Соберись. Он взглянул в зеркало заднего вида. Огни Петербурга уже тонули в снежной пелене. Триста лет он ждал. Ещё пара часов — не срок. Но пальцы на руле дрогнули. Он нажал на газ.

Глава 3 — Кристина «Вечер перестает быть томным»

Жаль, что глазка в двери бабушка не предусмотрела — видимо, в деревне испокон веков было принято доверять соседям. Иначе я бы ни за что не открыла дверь этому пижону.

Хотя, думаю, вы уже догадались: на пороге моего дома стоял господин Сумрак собственной персоной.

Я распахнула дверь и на мгновение замерла. Передо мной стоял мужчина, от которого веяло холодом — не уличным, глубинным, как из погреба. Высокий, широкоплечий, в чёрном пальто, которое сидело на нём как влитое. Снежинки запутались в тёмных волосах, но он, казалось, не замечал холода. Он смотрел на меня так, будто мы уже встретились раньше — и я должна была это помнить. Я сделала шаг назад — не от страха, от неожиданности. Ладони мгновенно стали влажными, а кончики пальцев — ледяными. Так бывает, когда ждёшь кота, а приходит тигр.

За его спиной мела метель — та самая, из которой я едва выбралась час назад. А он стоял как ни в чём не бывало, словно вышел на вечерний променады по Невскому.

— Добрый вечер, — произнёс он глубоким, хорошо поставленным голосом. — Я приехал по очень важному делу. Мы были знакомы с вашей бабушкой.

Я оперлась плечом о дверной косяк, скрестила руки на груди и окинула его взглядом — сверху вниз, от мокрых волос до дорогих ботинок. Один каблук был чуть стоптан. Мелочь, но я зацепилась за неё. Значит, не из тех, кто меняет гардероб каждый сезон.

— Добрый вечер. Вы, полагаю, Сумрак? Уже наслышана, как вы крутились возле дома бабули. Поэтому сразу скажу: дом и участок я продавать не намерена.

Он чуть склонил голову набок, и тени от дверного проёма легли на его лицо причудливым узором.

— Ну что же вы так категоричны? — в его голосе мелькнула лёгкая усмешка. — Возможно, я приехал совсем по другому делу, а вы с порога обвиняете меня во всех смертных грехах.

Он помолчал и добавил, выдыхая облачко пара:

— Может быть, всё-таки впустите меня в дом? На улице далеко не летняя погода. Да и вести диалог сидя куда удобнее — особенно если он, судя по вашему настрою, обещает быть долгим.

Я сузила глаза. Слишком гладко говорит. Слишком уверенно стоит на моём крыльце, словно имеет на это полное право.

— С какой стати я должна вас впускать? Я вас совсем не знаю. Может, вы маньяк, который убивает одиноких девушек? Или у вас неприличные намерения? С виду — респектабельный господин, а вот что у вас внутри — непонятно.

Сумрак моргнул. Потом уголок его рта дрогнул в улыбке — сухой и немного усталой.

— Если бы я был маньяком, поверьте, я не стал бы полчаса мёрзнуть на ветру и стучать в дверь. Существуют куда менее... хлопотные способы. А что касается «сделать с вами что-то неприличное», — он выдержал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то острое, — смею заверить: мои намерения исключительно деловые. По крайней мере, на данный момент.

Я хмыкнула. Ответ был дерзким, но честным. И, надо признать, он не пытался мне льстить или изображать галантного соседа.

Из дома за моей спиной тянуло теплом и запахом трав. Ветер бросил горсть снега прямо в лицо, и я поёжилась.

— Допустим. Что за дело?

— Оно касается вашей бабушки и одного предмета, который она обещала мне передать. Но детали, — он красноречиво посмотрел на метель, — детали лучше обсуждать не на пороге.

Я колебалась. С одной стороны — незнакомец, ночь, глухая деревня. С другой — он знал бабушку. И он явно не простой риелтор. Если я сейчас захлопну дверь, он уедет — и я никогда не узнаю, что ему было нужно. А если не уедет? Значит, он не тот, кем притворяется. В любом случае — я должна знать.

Я прикусила губу и приняла решение. Не из страха — из

холодного расчёта. Пусть говорит. А там посмотрим, кто кого.

— Ладно, — я отступила на шаг вглубь дома. — Заходите. Но предупреждаю: если что — вам точно не поздоровится.

Сумрак переступил порог и стряхнул снег с воротника. Когда он проходил мимо, я заметила, что ему пришлось чуть пригнуть голову, чтобы не задеть притолоку. И ещё — тени на его плечах лежали гуще, чем должны были. Даже в свете лампы они не отпускали.

— Ну что вы такое говорите. Я вам ещё не давал повода думать обо мне так плохо. — Он обвёл взглядом прихожую. — Где можно расположиться, чтобы всё обсудить?

С этими словами он неторопливо расстегнул пуговицы и снял пальто. Под ним оказалась матово-чёрная рубашка, плотно облегавшая грудь. А уж про руки я вообще молчу. Он выглядел так, будто приехал сюда не для разговора — но я запретила себе додумывать эту мысль.

Я глубоко вдохнула и заставила себя отвести взгляд. На этот грех нельзя смотреть спокойно — особенно когда он стоит посреди моей кухни, такой... целый. Без единой царапины. Без единой лишней мысли на лице. А у меня, кажется, их было слишком много.

В других обстоятельствах я бы, наверное, уже что-нибудь придумала. Но сейчас — только перевела дыхание и напомнила себе, что он здесь по делу. Не по моему, разумеется.

— Проходите, — сказала я, кивнув в сторону гостиной.

— Присаживайтесь.

Я уселась в кресло напротив дивана и закинула ногу на ногу. Сумрак проводил меня взглядом и опустился на диван — тот жалобно скрипнул под его весом, но выдержал.

— Итак? — поторопила я.

Он помолчал, словно подбирая слова. Потом заговорил — спокойно, без нажима:

— Много лет назад, когда ваша бабушка была ещё жива, мы заключили с ней джентльменское соглашение. Оно не касалось продажи дома или участка — сразу чтобы вы успокоились. Речь шла об одном предмете. Старинной вещице, которую она обещала передать мне при условии, что её наследница — то есть вы, Кристина, — сама примет решение, отдавать её или нет.

Он сделал паузу, давая мне переварить. Я молчала.

— Я приехал не отнимать и не выкупать. Я приехал выяснить, готовы ли вы выполнить волю бабушки.

Я хмыкнула, откидываясь на спинку кресла.

— И что же это, по-вашему, должно быть? Золото? Бриллианты? Семейное проклятье в шкатулке? — Я ухмыльнулась. — Хотя о чём я. Очевидно же, что у бабули такого не было и быть не могло. А вот проклятье — с удовольствием отдам. Даром.

Мужчина нахмурился. Окинул меня пристальным, тяжёлым взглядом, но от резких слов удержался.

— Я бы предпочёл обсудить детали в более конструктив-

ном и деловом ключе.

— А я бы предпочла, чтобы вы не говорили загадками. Можно конкретнее? И прекратите наводить на себя всю эту таинственность. Мне нужен чёткий ответ: что вам от меня нужно? И с какой стати бабуля вообще заключила с вами какую-то договорённость? Зная её — она бы послала вас куда подальше и вслед проклятьем кинула.

Он медленно выдохнул, будто считал про себя до десяти. Потом подался корпусом вперёд, опёрся локтями о колени, и тон его изменился. Мягкость ушла. Появился металл.

— Хорошо. Давайте конкретнее.

Он посмотрел мне в глаза — и я вдруг поняла, что никакая я тут не хозяйка положения. Взгляд у него стал такой, что сомнений не оставалось: терпение мужчины на грани и впереди меня ждёт моральная порка. Это ещё мягко сказано.

— Я понимаю, Кристина, что вы мне не доверяете. Это нормально. Но позвольте и мне внести ясность. — Он выдержал паузу. — Вы, мягко говоря, не в том положении, чтобы ставить условия.

Я напряглась и вся сжалась, предчувствуя, что дальнейшее мне точно не понравится.

— Вы мне сейчас угрожаете?

— Это факт. — Его голос звучал ровно и по-деловому. — Мой помощник — человек очень дотошный. Он навёл справки, и вашему положению можно только посочувствовать. Я делал это не ради шантажа, а чтобы понять, что вы

за человек.

Он полез во внутренний карман пиджака, висевшего на спинке дивана, и достал сложенный лист бумаги. Не протянул — положил на стол перед собой.

— Ваш бывший подал заявление. Порча имущества на двести тысяч. Статья 167 — до двух лет. У меня внутри всё оборвалось. — Это ложь... — Возможно. — Он пожал плечами. — Но заявление лежит в участке. Я могу сделать так, чтобы оно ушло в архив. Или могу не сделать. Выбор за вами.

Он говорил ровно, почти вежливо — и от этой вежливости становилось жутко. Я поняла это только сейчас: он не спорил со мной. Он просто ждал, пока я сама приду к его решению. И я пришла.

Я сглотнула. В горле пересохло. Он только что элегантно, даже не повышая голоса, загнал меня в угол. И самое паршивое — я сама дала ему повод. Нечего было крушить квартиру и портить вещи. Знала ведь, какой Виктор человек, но позволила себе эту блажь.

— Да уж, господин Сумрак, вы настоящая акула, — тихо прошептала я.

— Бизнесмен, — поправил он. — Хотя акулы мне льстят. Я встала и прошлась по комнате. Он ждал, не подгоняя, — давал время всё хорошенько обдумать.

— Хорошо, — бросила я наконец. — Осматривайте ваш чёртов дом. Но если хоть одна вещь пропадёт...

— ...мне не поздоровится, — закончил он за меня и впервые за вечер улыбнулся открыто. — Я уже понял. Вы умеете производить впечатление.

Он поднялся с дивана. Лист бумаги исчез обратно в карман пиджака — ни единого лишнего движения.

— С чего начнём?

Я кивнула в сторону кухни.

— С чая. Вы замёрзли, пока ждали на крыльце. А я всё-таки не зверь.

Он приподнял бровь, но спорить не стал. И уже когда мы двинулись к кухне, добавил — будто невзначай:

— Кстати, Кристина. Ваша бабушка оставила этот дом с условием. Не юридическим — скорее, личным. Пока условие не выполнено, вы не сможете по-настоящему вступить в права. И я — один из тех, кто знает, в чём это условие состоит. Но давайте оставим эту тему на потом. Чай — действительно хорошая идея.

Я замерла на полпути к плите, переваривая услышанное. Он не просто акула. Он акула, которая плавает кругами и улыбается прежде, чем укусить.

Заваривая чай, я думала о том, что бабушка, похоже, оставила мне в наследство не только дом.

Когда я поставила перед ним чашку, он посмотрел на меня поверх ободка.

— Артефакт. Медальон с красным камнем. Он у вас, и ваша бабушка обещала передать его мне.

— Артефакт? — я фыркнула, садясь напротив. — Серьёзно? Может, ещё скажете, что он исполняет желания? Или вызывает драконов?

— Драконов не вызывает, — ответил он, не поведя бровью. — А насчёт желаний — смотря как использовать. Но это не игрушка, Кристина. Это древний предмет, который ваша бабушка хранила много лет. И обещала передать мне.

— Бабушка? — я откинулась на спинку стула. — Вы серьёзно думаете, что я поверю, будто моя бабуля, которая всю жизнь собирала травки и варила варенье из крыжовника, хранила у себя в блокноте некий «артефакт» и вела с вами переговоры? Она даже мобильником пользоваться не умела. До последнего звонила с городского.

— Однако переговоры мы вели. И довольно успешно.

— Да? И на каком языке? На языке цветов?

Он помолчал, потом чуть склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я не смогла понять.

— Ваша бабушка была... непростой женщиной, Кристина. Думаю, вы это знаете не хуже меня.

Я вспомнила бабушкины глаза. Её улыбку — лукавую и мягкую, словно она знала что-то, чего не знал никто. Вспомнила пророчество, которое она прочитала мне накануне смерти. Чёрный кот. Теневой мужчина. Древнее дерево. Мурашки пробежали по спине, но я тряхнула головой.

— Ладно, — сказала я, скрестив руки на груди. — Допустим. На секунду. Вы хотите сказать, что эта штука в блок-

ноте — ценная? И вы за ней охотитесь? Как Индиана Джонс, только в пальто?

— Скорее как коллекционер, который слишком долго ищет утерянный экземпляр, — он сделал глоток чая. — Медальон принадлежал моей семье. Очень давно. Потом был утерян. Ваша бабушка нашла его — или, вернее, он сам её нашёл. Она согласилась вернуть его, но на определённых условиях. Я здесь, чтобы выполнить эти условия.

— И что же это за условия? — я прищурилась. — Принести вам чай? Развлечь беседой? Или, может, станцевать?

— Для начала — просто не выгонять меня за дверь, — он усмехнулся. — А во-вторых — позволить взглянуть на медальон.

Я барабанила пальцами по столу. Чай давно остыл. За окном выл ветер. Господин Сумрак сидел напротив и смотрел на меня с таким выражением, словно мы обсуждали годовую отчётность, а не какой-то там артефакт. Я пыталась найти в его словах подвох, но пока не находила. Либо он гениальный мошенник, либо...

Либо он говорит правду. По крайней мере, в чём-то.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я покажу вам медальон. Но в руки не дам. И обещать ничего не буду.

— Этого достаточно.

Я встала, подошла к комоду и взяла блокнот. Тяжёлый, в твёрдой обложке. Провела пальцами по коже, нащупала знакомую выпуклость. Развернулась и показала Сумраку об-

ложку. Камень тускло блеснул в свете лампы.

Он смотрел на медальон так, как смотрят на то, что искали слишком долго. В комнате повисла тишина — чужая, плотная, совсем не похожая на обычную деревенскую тишину, к которой я уже начала привыкать.

— Благодарю, — сказал он тихо.

Я закрыла блокнот и прижала его к груди.

— И что дальше? Вы посмотрели. Что теперь?

— Теперь, — он поднялся, — я ухожу. Сегодня вы устали, и я не хочу злоупотреблять гостеприимством. Завтра я приеду снова. Мы обсудим детали.

— Какие детали? Вы так ничего и не объяснили.

Он взял пальто, набросил на плечи, застегнул пуговицы. Движения были неспешными, отточенными.

— Детали сделки, Кристина. Медальон в обмен на помощь. Помощь — в обмен на сотрудничество. Мы оба получаем то, что нам нужно. Разве не в этом суть деловых отношений?

— А если я не хочу сотрудничать?

Он обернулся и посмотрел на меня долгим взглядом. Тем самым, тяжёлым, от которого хотелось и выпрямить спину, и спрятаться.

— Тогда заявление вашего бывшего ляжет на стол следователя, — произнёс он ровно. — Простите за прямоту, но вы сами спросили.

Я стиснула зубы. Вот же ж...

— Вы мне угрожаете.

— Я напоминаю о реальности, — он взялся за ручку двери. — Доброй ночи, Кристина. Отдыхайте. Завтра будет трудный день.

— У меня каждый день трудный.

Он усмехнулся:

— Этот — особенно. Доброй ночи.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

Я долго стояла посреди кухни, слушая, как дом медленно затихает после его ухода. Только ветер шуршал за окном да где-то в трубе тянуло протяжным, тоскливым звуком. Сумрак уже уехал, но ощущение его присутствия не спешило растворяться — будто в комнате осталась не тень, а след от очень холодной руки.

Я выдохнула, допила остывший чай и только тогда снова взялась за блокнот. Кожа обложки была тёплой, почти живой. Я провела пальцами по медальону, по тёмно-красному камню в центре, и он коротко блеснул в свете лампы. Красиво. И немного жутко.

— Ну и что ты такое? — пробормотала я себе под нос.

Ответа, разумеется, не последовало.

Зато из угла послышалось мягкое, почти неслышное шуршание.

Я подняла голову. На подоконнике, которого секунду назад, клянусь, там не было, сидел кот. Чёрный, как сажа, с жёлтыми глазами и слишком неподвижной позой для обыч-

ного деревенского бездельника. Он не мяукнул. Не двинулся. Просто смотрел. Не на меня — на блокнот у меня в руках.

Я усмехнулась, хотя по спине уже полз неприятный холодок.

— Ну да. Ещё только тебя мне не хватало. Что, тоже пришёл оценить наследство?

Кот не моргнул. Он спрыгнул на пол бесшумно, как тень, и медленно подошёл ближе. Не ко мне — к столу. Потом сел рядом с блокнотом, чуть склонил голову и уставился на медальон так пристально, будто что-то в нём узнавал.

Я замерла, держа блокнот обеими руками.

— Эй... — тихо сказала я. — Ты чего это?

Кот не шелохнулся. Только хвост едва заметно дёрнулся, да уши чуть подались вперёд. Взгляд у него был такой, словно он не просто видел камень, а понимал, что именно перед ним лежит.

Мне стало не по себе. Не резко, не в лоб — так, как бывает, когда чувствуешь, что на тебя смотрят не случайно.

— Нет, ну конечно, — пробормотала я, стараясь говорить привычно, почти насмешливо. — Дом старый, бабушка была ведьмой, теперь ещё кот, который ведёт себя так, будто пришёл не в гости, а на проверку. Прекрасно. Просто прекрасно.

Но кот продолжал смотреть. И чем дольше он так сидел, тем сильнее мне казалось, что это не я рассматриваю медальон, а он — меня.

Я поставила блокнот на стол. Кот сразу перевёл взгляд с

камня на мои руки, потом на лицо — тяжёлый, медленный, слишком внимательный. Как будто он оценивал не медальон, а меня саму: справлюсь ли я с тем, что только что началось.

— Спокойной ночи, — сказала я ему вслух.

Кот моргнул. Медленно. И, развернувшись, исчез в темноте коридора так же бесшумно, как появился.

Я осталась одна. С блокнотом. С медальоном. С ощущением, что только что перешагнула какую-то грань, за которой всё будет иначе.

В доме пахло сухими травами, и в этой тишине мне впервые за долгое время стало по-настоящему неуютно.

Глава 4 — Сумрак

Глава 4 — Сумрак

Колёса мерно шуршали по асфальту. Снег валил крупными хлопьями, залепляя лобовое стекло, — приходилось быть внимательным. Машин на трассе почти не было. Он подъезжал к Петергофу, когда мысли снова вернулись к карте.

Всплеск. Почему именно сейчас?

Магический фон такого уровня не меняется без причины. Дом Клавдии стоял закрытым с осени, и всё это время карта показывала ровное, угасающее пятно. Ещё пара месяцев — и контур погас бы совсем. Значит, причина не в доме. Что-то изменилось в ней.

Внучка.

Он перебрал варианты. Первый и самый очевидный: спонтанный выброс. Такое случается у неинициированных ведьм в момент сильного эмоционального потрясения. Страх, ярость, боль — что-то вскрывает внутренний барьер, и сила прорывается наружу. Один раз. Бесконтрольно. Часто — разрушительно.

Он вспомнил досье на пассажирском сиденье. Разрыв с этим... как его там... Виктором. Измена. Девчонка явно не из тех, кто плачет в подушку. Если она разгромила квартиру — а судя по заявлению о порче имущества, так оно и было, — то выплеск получился знатный. Достаточный, чтобы ак-

тивировать фамильяра. Достаточный, чтобы засветиться на его карте.

Но был и второй вариант, и он не давал покоя.

Совпадение.

Случайно ли она приехала именно сейчас? Случайно ли дом отозвался на неё с такой силой? Клавдия была хитра и дальновидна. Она могла привязать активацию к определённом моменту — например, к первому шагу наследницы на порог. Или к её эмоциональному пику. Или... к чему-то ещё, чего Сумрак пока не понимал.

Он нахмурился. Не любил неопределённость. Привык, что все переменные просчитаны, а риски заложены в смету. Но здесь — здесь была чужая игра. Игра, начатая старухой задолго до своей смерти.

— Ты знала, что она придёт, — пробормотал он вслух, глядя на дорогу. — Знала и подготовилась.

Оставался вопрос: подготовилась к чему? К его появлению? К пробуждению дара? Или к тому, что внучка окажется не такой, как все?

Он бросил взгляд на папку. Андрей постарался — собрал всё, что можно найти за такой короткий срок. Дальнейшие размышления без фактов были пустой тратой времени.

— Посмотрим, что ты за птица, Кристина.

Сумрак взял телефон и набрал номер Андрея. Тот ответил после первого гудка — как всегда.

— Андрей. Машина к подъезду. И досье на внучку Клав-

дии. Всё, что есть.

— Уже на пассажирском сиденье, — голос Андрея звучал ровно, но в нём проскользнуло что-то, похожее на иронию. — Я подумал, что вам понадобится.

— Ты всегда думаешь за меня, — Сумрак почти усмехнулся.

— Это моя работа. — Пауза. — Дмитрий Александрович. Вы уверены, что едете сами? Если Совет засёк всплеск, они могут ждать именно вас. Я бы мог...

— Нет. Ты нужен здесь. Присмотри за кабинетом. Если карта изменится — свяжись со мной.

Андрей помолчал. Когда он заговорил снова, голос стал чуть тише, без привычной деловой сухости:

— Я помню, как Клавдия смотрела на вас тогда. В прошлый раз. Она знала, что вы вернётесь. Возможно, она знала и то, что вы приедете не один. Будьте осторожны.

— Андрей.

— Я знаю, Дмитрий Александрович. Не моё дело. Просто... у меня есть причины не любить Совет так же, как у вас. И если эта девчонка — та самая, ради которой стоило ждать триста лет, — не дайте им её забрать.

Сумрак не ответил. Он сбросил вызов и на секунду задержал взгляд на телефоне. Андрей нечасто позволял себе такие слова. Почти никогда. За триста лет он нарушил субординацию всего несколько раз — и каждый раз оказывался прав.

Сумрак нажал на газ. Впереди, за стеной снега, угадыва-

лись тёмные очертания деревни.

Он заглушил мотор у самого въезда в Лопухинку. В салоне сразу стало тихо; только ветер гудел за стёклами да снег шуршал по крыше. Сумрак потянулся к пассажирскому сиденью и взял папку — тонкую, картонную, с аккуратной наклейкой «Лопухинка, объект К.» Почерк Андрея, разумеется. Педантичный, как всегда.

Он раскрыл папку. Первое, что бросилось в глаза, — фотография. Крис сидит в кафе, лёгкая улыбка, но не в камеру — в сторону, словно отвлеклась на что-то за кадром. Ничего особенного на первый взгляд. Но он задержался на этом лице дольше, чем требовал сухой интерес. Уголки губ чуть напряжены. Под глазами — тени. Два года с мужчиной, который контролировал и обесценивал, — достаточно, чтобы сломать. Но она не сломалась.

Дальше пошли сухие факты: имя, возраст, место жительства. Обычная девушка из спального района. Ничего, что могло бы объяснить активацию такого уровня. Сам он потратил на её поиски полгода — соседи Клавдии говорили разное, путались, а внучка так и не появлялась. Андрей же нашёл её за сутки: соцсети, адрес, работа. Сейчас она была у него как на ладони — и даже не подозревала об этом.

Сумрак хмыкнул и перевернул страницу.

Второй лист — про бывшего. Виктор Тарасов. Мелочный, мстительный. После разрыва подал заявление о порче имущества.

— Ты ради пары железяк пошёл в участок? — пробормотал он себе под нос. — Серьёзно?

Это было полезно: рычаг давления, если девчонка упрётся.

Третий лист был посвящён бабушке. Клавдия Кошкина. Травница, знахарка, хранительница медальона. Сумрак помнил её отказ: «Эта земля не продаётся, господин Сумрак. Она не ваша и никогда вашей не будет. Приходите, когда придёт время». Тогда он решил, что старуха просто не хочет продавать. Теперь — нет. И мысль эта царапнула там, где он давно ничего не чувствовал.

Что Клавдия наложила на медальон печать — теперь ясно. Артефакт был невидим для магии все эти годы. Стоило внучке войти в дом — печать пала. Теперь камень светится на карте, а значит, привлекает не только его. Совет тоже мог засечь всплеск. Нужно было действовать быстро.

Он пролистал оставшиеся страницы — ничего нового. Отложил папку.

Итак. Козыри на руках. Первый — заявление Виктора. Девчонка натворила глупостей и теперь уязвима. Второй — юридическая неопределённость с домом: наследство не оформлено, документов нет. Третий — медальон. Он нужен ему, но забирать силой нельзя: Клавдия наверняка поставила защиту, а кроме того, он не грабитель.

План вырисовывался сам: начать с делового подхода. Упомянуть джентльменское соглашение с Клавдией. Если дев-

чонка упрётся — нажать на земельный вопрос и заявление. Но не перегибать. Она должна остаться союзником, пусть и вынужденным.

Сумрак захлопнул папку и бросил её обратно на сиденье. За снежной стеной проступали огни домов. Он завёл мотор и медленно покатыл к околице.

Пора познакомиться лично.

Дом показался из-за деревьев — чёрный, приземистый, с одним светящимся окном. Значит, не спит. Сумрак заглушил двигатель, не доезжая, и дальше пошёл пешком.

Снег скрипел под ногами, и каждый шаг отдавался в тишине — той самой, что уже тянулась к нему из-за двери. Он знал: за ней — не просто деревенский дом. Там — девчонка, которая разгромила квартиру бывшего и даже не подозревает, что только что разбудила нечто большее.

Он поднялся на крыльцо. Дверь — массивная, тёмного дерева, с резными наличниками, — выглядела точь-в-точь как в его прошлый визит. Ничего не изменилось, и в то же время изменилось всё. Тогда за этой дверью сидела старуха с насмешливым взглядом. Теперь — её внучка, которая только что перевернула свою жизнь вверх дном и даже не подозревает, что держит в руках ключ к его трону.

Он поднял руку, чтобы постучать, — и замер.

Тишина.

Он привык к шуму. Триста лет он слышал чужие тени: страх, ложь, зависть, вожделение. Этот гул стал фоном —

привычным, почти незаметным. Но сейчас, на пороге старого деревенского дома, гул исчез.

Воздух вокруг дома был плотным, как вода на глубине. Он давил не тяжестью, а отсутствием всего, к чему он привык. Он проникал внутрь, стирал гул, оставляя после себя пустоту, которую невозможно было заполнить. Сумрак закрыл глаза. Впервые в голове не звенело. Ни одной чужой мысли. Ни отголоска боли. Только покой — чистый, глубокий, противоестественный. И это пугало сильнее, чем любой враг. Он не знал, что это такое, но чувствовал: это не просто отсутствие шума. Это активное глушение. И оно исходило от неё.

Он отнял руку от двери и остался стоять.

Это было... неправильно. Опасно. Притягательно.

Так он простоял, по собственным ощущениям, пару минут. На деле вышло куда дольше — снег успел запорошить плечи пальто, набиться в волосы, осесть на воротнике. Он не замечал. Он слушал тишину.

А когда очнулся — усмехнулся про себя: «Соберись. Ты — Принц Теней. Не мальчишка перед свиданием».

И наконец постучал. Три чётких, неторопливых удара.

Дверь открылась.

Первое, что он увидел, — глаза. Зелёные, усталые, с припухшими веками — не от слёз, от бессонницы. Взгляд прямой, несмотря на усталость. Она стояла на пороге, встрёпанная после дороги, и смотрела на него без страха. С подозре-

нием — да. Но без страха. Он не привык к такому — чтобы на него смотрели без страха.

Пока он произносил заготовленную фразу про бабушку и важное дело, его сознание автоматически сканировало пространство. Эмоции Крис — глухо. Ни одной чужой тени. Это не просто удивляло — это оглушало. Медальон слабо светится — где-то в глубине комнаты, в районе комода. Дом — отзывается на хозяйку, контур активен, но не агрессивен.

И ещё. Что-то третье. Присутствие. Магический отпечаток — слабый, но древний. Он чувствовал его кожей, прежде чем увидел. Сумрак скосил взгляд в тёмный угол — и ему почудилось, что оттуда на него смотрят два жёлтых огня. Холодных. Оценивающих. Могло показаться. Он моргнул — и огни исчезли, но отпечаток остался. Кот? Фамильяр? Он списал это на усталость и сосредоточился на разговоре. Но внутри засела лёгкая, липкая тревога.

Девчонка тем временем скрестила руки на груди и выдала про «дом и участок не продаю». Сумрак чуть склонил голову. Забавно. Она думает, что он приехал за недвижимостью. Что ж, пусть пока думает так.

— Ну что же вы так категоричны? — он позволил себе лёгкую усмешку. — Возможно, я приехал совсем по другому делу, а вы с порога обвиняете меня во всех смертных грехах.

А потом добавил про погоду и про то, что диалог лучше вести сидя. Честно говоря, мёрзнуть ему уже надоело. Да и стоять на пороге, когда внутри — та самая тишина, которую

он только что ощутил на крыльце, было почти физически трудно.

Её следующий выпад про маньяка заставил его моргнуть. Маньяк. Она всерьёз предположила, что респектабельный мужчина, владелец строительной компании, поедет ночью в метель в глухую деревню, чтобы... что? Убить одинокую девушку?

— Если бы я был маньяком, поверьте, я не стал бы полчаса мёрзнуть на ветру и стучать в дверь. Существуют куда менее... хлопотные способы.

Фраза вышла почти честной. Почти — потому что промёрз он не столько из вежливости, сколько из-за собственной растерянности. Но ей об этом знать не обязательно.

Когда она наконец отступила в дом, он перешагнул порог. Внутри пахло травами — полынью, мятой, ещё чем-то, чему он не знал названия. Пахло старой магией. Пахло Клавдией.

Пока он осматривался, Крис язвила. Про «булки», про хамство, про то, что он ей никто. Сумрак слушал и чувствовал, как в груди поднимается знакомое раздражение. Она говорила с ним так, как не позволял себе никто. Давно. Очень давно. И это одновременно и злило, и — странное дело — восхищало.

Он вспомнил досье. Два года с абьюзером. Два года контроля и обесценивания. И вот она — стоит перед незнакомым мужчиной, который только что прижал её к стене тремя козырями, и продолжает дерзить.

«Смелая», — мелькнула мысль. И он тут же её отогнал.

Когда он перешёл к заявлению Виктора, она сжалась. Он увидел, как дрогнули её пальцы на колене, как на мгновение исчез вызов из глаз. Это был необходимый удар. Без него она бы не согласилась.

Она назвала его акулой. Он поправил — «бизнесмен». Хотя акулы ему льстили. И впервые за вечер улыбнулся открыто.

А потом они пошли на кухню.

Он сидел за старым деревенским столом, смотрел, как она заваривает чай, и чувствовал эту невозможную, глубокую, как омут, тишину. Ради которой можно было простоять на крыльце полчаса.

Когда она поставила перед ним чашку, он поймал себя на мысли, что хочет продлить этот момент. Не уходить. Но час был поздний, а завтра предстоял трудный разговор.

Он поднялся и направился к двери. Уже взялся за ручку — и замер. Пальцы не слушались. Он сжал их сильнее, чувствуя, как дерево впивается в ладонь, — и только тогда, с трудом, разжал. Вот это было по-настоящему страшно. Не Совет. Не Лорды. А эта невозможность отпустить дверную ручку.

Он вышел в ночь, сел в машину и завёл мотор. Дорога стелилась под колёса. Он ехал и чувствовал: тишина всё ещё держится где-то под рёбрами — чужая, тёплая, невозможная. Она не отпускала. И он не знал, хочет ли от неё изба-

виться или вернуться за новой порцией.

Он знал: если вернётся, будет уже не так легко уйти. И это знание не пугало. Это пугало сильнее.

Телефон на пассажирском сиденье пиликнул — короткое сообщение от Андрея: «Карта чиста. Совет не засёк. Возвращайтесь осторожно». Сумрак посмотрел на экран и усмехнулся. Андрей, как всегда, всё проверил. И, как всегда, добавил то, что не просили.

— Дело дрянь, — сказал он себе вслух. — Соберись.
И нажал на газ.

Глава 5 — Наследство

Глава 5 — Наследство

Я долго сидела за столом, пытаясь переварить всё, что наговорил мне господин Сумрак.

Медальон. Артефакт. Дом с каким-то дурацким условием. Заявление Виктора. Бабушкины тайны. Всё это не укладывалось в голове и отчаянно не желало становиться реальностью. Я даже пару раз ущипнула себя за запястье, но, увы, картина не исчезла. Дом всё так же стоял вокруг меня, старый, скрипучий и слишком живой для пустого деревенского жилья.

— Ну, бабуля, спасибо. Ты оставила мне дом, кота и проблем на всю оставшуюся жизнь. — Я говорила в пустоту, но почему-то надеялась, что она слышит.

Я вздохнула, встала и допила остатки остывшего чая. На вкус он был почти как эта ночь — терпкий, невнятный и неприятно холодный.

Ответа, разумеется, не последовало.

Хотя вру. Ответ был — тихий, ровный, почти ленивый шорох из гостиной. Я обернулась и увидела кота. Он уже устроился на диване, свернувшись клубком на клетчатом пледе, и, кажется, спал. Или делал вид. В полумраке блеснул жёлтый глаз, когда я на него посмотрела. Потом он снова закрылся.

— Конечно, — буркнула я. — Тебе-то хорошо. Тебя тут не шантажируют бывшими и не пугают артефактами.

Кот не ответил. Даже ухом не повёл.

Я тяжело выдохнула и ушла в комнату за вещами. Чемодан стоял у стены, раскрытый и не слишком уютный, как напоминание о том, что я здесь не гостя, а человек, которому теперь придётся как-то жить в этом доме. Я достала зарядку, документы, пару свитеров, косметичку, потом вернулась на кухню и наконец занялась печью.

Дрова сухо щёлкнули, огонь сперва не хотел разгораться, но потом ожил, и в доме стало чуть теплее. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы не чувствовать себя окончательно брошенной.

Я зажгла свечу, которую нашла в ящике кухонного стола. Пахло воском и пылью — так пахнет всё, чего долго не касались. Как я сама, наверное.

Я сняла куртку, повесила её на спинку стула и снова посмотрела на диван.

Кот лежал там всё так же неподвижно.

Он не просыпался и не двигался, но я всё равно чувствовала на себе его ленивое, странное присутствие. Как будто он не просто был рядом, а наблюдал. Не мешал. Не вмешивался. Просто ждал.

От этой мысли стало не по себе.

Я тряхнула головой, отгоняя глупости, и подошла к комоду. На нём лежал блокнот. Тяжёлый, в твёрдой обложке. Я

провела пальцами по коже, нащупала знакомую выпуклость медальона и на мгновение задержала ладонь.

Красный камень тускло блеснул в полумраке.

Красивый.

И жуткий.

— Ну и что ты такое? — тихо спросила я у него.

Конечно, ответа не было.

Я убрала блокнот обратно и только тогда заметила, что кот уже смотрит на меня. Не двигаясь. Не моргая. Просто смотрит — слишком внимательно, слишком спокойно, так, будто знает обо мне больше, чем я сама.

— И ты, похоже, всё знаешь, — сказала я ему. — Молчишь. Наблюдаешь. Ждёшь. Типичный мужчина.

Кот медленно моргнул и отвернулся.

За окном выл ветер, в трубе тянуло протяжно и тоскливо, а часы на стене отчётливо отсчитывали минуты. Дом будто прислушивался к каждому звуку. Где-то в глубине коридора скрипнула половица — хотя я точно знала, что там никто не ходил. И чем тише становилось, тем сильнее мне казалось, что я здесь не одна.

В голове снова всплыл Сумрак.

Он смотрел так, будто читал меня по диагонали — достаточно, чтобы понять, но не вникая. Это бесило больше, чем если бы он вообще не смотрел. В нём было что-то холодное и опасное, но при этом — совершенно не пустое. Не маньяк. Не случайный проходимец. И уж точно не риелтор, каким он

мог показаться при первом взгляде.

Если он не врал, то бабушка действительно оставила мне не просто дом. Она оставила мне роль, к которой я совершенно не была готова. И даже не спросила, хочу ли я её играть.

От этого хотелось либо рассмеяться, либо выть.

Я села на самый край дивана, чтобы не потревожить кота. Он даже ухом не повёл — то ли доверял, то ли просто не считал меня угрозой. Я уставилась в тёмный коридор. Тот уходил вглубь дома узкой полосой мрака, и мне вдруг стало странно неуютно. Не потому, что там кто-то был. А потому, что я внезапно почувствовала: дом знает больше, чем показывает.

— Завтра, — сказала я самой себе. — Всё завтра.

Завтра я разберусь с документами, домом, Виктором и этим проклятым медальоном. Завтра попробую понять, что именно имел в виду Сумрак, когда говорил про условие. Завтра, может быть, даже попытаюсь не сойти с ума.

Сегодня — только пережить ночь.

Кот на диване чуть шевельнул хвостом.

И это почему-то показалось мне ответом.

Я усмехнулась себе под нос, но смех вышел слишком коротким, чтобы быть настоящим.

— Ну да, — сказала я ему тихо. — Ты, похоже, тоже в курсе.

Кот не ответил. Но в доме стало так тихо, что это молча-

ние вдруг показалось слишком полным.

И, наверное, в этом и была главная проблема: я не знала, как долго смогу здесь оставаться, не сойдя с ума от тишины и собственных мыслей.

6 глава — Тишина в машине

6 глава — Сумрак. «Тишина в машине»

Машина мягко вырулила на трассу. Лопухинка осталась позади — тёмная, заснеженная, словно несуществующая. Только дуб ещё долго маячил в зеркале заднего вида чёрной кляксой на сером небе. Сумрак смотрел на него, пока тот не исчез за поворотом, и поймал себя на мысли: Клавдия посадила его не просто так. Дуб был свидетелем. И, возможно, хранителем.

Сумрак вёл молча. Снегопад стих, и дорога теперь проглядывалась далеко вперёд — пустая, ровная, без единой машины. Можно было разогнаться, но он не спешил. Тишина в салоне напоминала ту, что он оставил на крыльце — такая же глубокая, только теперь в ней плескались его собственные мысли.

Он прокручивал в голове разговор.

Она оказалась не такой, как он ожидал. В досье она выглядела просто: двадцать три года, неудачные отношения, работа на удалёнке, наследство не оформлено. Типичная история. Вживую — колючей, дерзкой, яркой в своих порывах и совершенно не склонной прогибаться. Когда он надавил заявлением Виктора, она сжалась в комок — он видел это, — но через минуту снова сидела с прямой спиной и язвила так,

будто это не её только что загнали в угол. Он вспомнил её фразу про маньяка и невольно хмыкнул. Она была опасна. Забавна — но опасна. Это настораживало больше, чем если бы она просто боялась.

И ещё эта тишина.

Он до сих пор не мог понять её природу. Почему рядом с ней смолкают чужие тени? Почему он не слышит её мыслей — ни одной, даже слабой, даже на периферии? Это не было похоже на защиту. Защиту он бы почувствовал. Это было... отсутствие. Как будто её сознание существовало в другом слое реальности, куда его дар не дотягивался. И это одновременно раздражало и манило.

— За триста лет ни одной женщины не встретил, чьи мысли я не мог бы прочесть, — пробормотал он, не отрывая взгляда от дороги. — А эту — не могу.

Совпадение? Нет. Клавдия явно знала, что делала.

Он думал о медальоне.

Она даже не пробовала достать его из обложки. Воспринимала его как безделушку — красивую, но пустую. Смотрела на него, Сумрака, с недоверием и насмешкой, когда он назвал камень артефактом. И ему пришлось применить все рычаги, чтобы она хотя бы показала блокнот — и то, в руки его не дала, держала на расстоянии, как гранату с выдернутой чекой.

Значит, бабушка действительно ничего ей не объяснила. Просто отдала и велела беречь. И теперь Крис сидит в ста-

ром доме с древним ключом к трону в руках и понятия не имеет, что с ним делать. Это было даже не смешно — это было почти нелепо. Но хорошо. Если она не знает, значит, и другие не узнают об этом. Артефакт в безопасности. Пока.

Теперь оставался вопрос: как действовать дальше.

Силой точно нельзя. Он мог бы забрать медальон прямо там, пока дом не защищён, но тогда дверь к трону захлопнется навсегда. Клавдия поставила условие: медальон должен быть передан добровольно. Именно добровольно — она подчеркнула это тогда, много лет назад, глядя на него с той самой лукавой улыбкой. В глазах у неё была сталь. Он тогда не придал значения. Теперь — придал. И теперь, когда он сказал об этом Крис, пути назад не было. Она должна согласиться сама. И он сделает так, чтобы другого выхода у неё не было.

Значит, оставалось то, что он умел лучше всего: договариваться. Искать слабые места. Нажимать, но не давить до перелома.

Заявление Виктора — хороший рычаг, но одноразовый. Дом — рычаг посерьёзнее: девчонка явно вцепилась в него, как в последнюю соломинку. Но если пережать, она упрётся и будет стоять насмерть. Её характер он уже успел оценить.

Значит, тактика на завтра такая: меньше давления, больше информации. Рассказать ей о бабушке. О мире, который она не знает и не видит. О пророчестве — в той мере, в какой это не навредит ему самому. Чем больше она узнает, тем

быстрее поймёт, что сотрудничество — её единственный разумный выбор.

И ещё... завтра он приедет без пиджака. В чём-нибудь попроще. Хватит играть роль дельца — это на неё не действует. Она не боится. Нужно быть мягче и показывать каким я могу быть в обычной жизни без налета цинизма и ауры власти. Может, хоть джинсы и свитер расположат ее на добрый лад и снизят градус её колючести.

Он поймал себя на том, что уголок губ дрогнул — и тут же одёрнул себя. Это было глупо. Он не улыбался просто так уже лет сто. «Соберись. Ты едешь за артефактом, а не за впечатлениями».

Впереди показались огни Петергофа. Дорога уходила под колёса ровной лентой.

Сумрак нажал кнопку громкой связи. В динамике раздался сухой голос Андрея:

— Да, Дмитрий Александрович.

— Андрей, завтра к десяти утра подготовь сводку по Лопухинке. Всё, что есть по дубу, по истории участка и по роду Кошкиных. И ещё... найди мне хорошего юриста по наследственным делам. Не из наших. Обычного. Пусть подготовится к консультации.

— Будет сделано. Что-то ещё?

Сумрак помолчал. Потом добавил:

— Да. Узнай, не подавал ли Виктор Тарасов новых заявлений. И проверь, насколько крепко он сидит на своей долж-

ности.

— Понял. К утру будет.

— И, Дмитрий Александрович, — голос Андрея стал чуть тише, почти доверительным. — Если она вам интересна — не давите слишком сильно. Эти ведьмы не любят, когда их загоняют в угол.

Сумрак хмыкнул, но ничего не ответил.

Связь отключилась. Сумрак прибавил скорость и рванул в сторону особняка.

Завтра он вернётся. И начнёт игру, в которой у него пока не было всех козырей.

7 глава — Проснись и пой ведьма

Я проснулась от того, что кто-то нагло топтался по моим волосам.

Сначала я попыталась отмахнуться и зарыться лицом в подушку поглубже. Но топтание продолжалось — методичное, с лёгким мурчанием и периодическим похлопыванием лапой по голове. Это было уже слишком. Нервы сдали, и я вынуждена была разлепить глаза.

Надо мной, на подушке, восседал чёрный кот. Жёлтые глаза смотрели с выражением, которое я могла бы назвать «лёгкое презрение пополам с деловым нетерпением». Он мяукнул — коротко и требовательно, — затем прыгнул на пол и деловой походкой направился к выходу. У двери обернулся и посмотрел через плечо: мол, давай, поднимайся, нечего разлёживаться.

— Ты серьёзно? — прохрипела я. — Ты меня будишь?

Кот зевнул и скрылся в кухне, цокая когтями по половикам.

Я повторила его зевок, села на диване, потёрла лицо и огляделась. В доме было холодно. Печь погасла, и за ночь комната выстыла до состояния «можно одубеть». За окном серело раннее утро. Снег наконец перестал идти.

Ногами я нашарила тапки, кое-как натянула свитер поверх домашней кофты и поплелась за котом. Тот сидел у пу-

стого блюда, куда я вчера положила крекеры. Крекеры, разумеется, остались нетронутыми.

— Ты издеваешься? — спросила я. — Другой еды в доме нет. Я же тебе предлагала.

Кот посмотрел на меня долгим взглядом. Я почти физически ощутила, как он думает: «Ты называешь ЭТО едой?»

— Ладно, — вздохнула я. — Пойду гляну, что бабушка оставила в кладовке. Может, найдётся что-то более достойное тебя, твоё величество.

Кот дёрнул ухом.

Растопка печи — полчаса. Кухонные шкафчики — ещё столько же. В кладовке: банки с соленьями (год? два? плесень под крышкой), мешочек гречки с молью, пучок травы, рассыпающийся в труху. И почти полный пакет собачьего корма. Срок годности не истёк. Клавдия взяла его за месяц до смерти — для соседской овчарки, которая потом выла у её калитки три дня.

— Собачий корм будешь? — спросила я, глядя на кота. — Прости, другого нет.

Кот сунул морду в миску, понюхал, фыркнул и... начал есть. Медленно, с видом аристократа, которому подали фастфуд, но голод заставил. Он жевал так, будто делал мне одолжение.

— Вот и славно, — выдохнула я. — Значит, не помрёшь.

Я поставила чайник, умылась ледяной водой из рукомойника и уже собиралась налить себе чаю, когда в дверь посту-

чали. Кот мгновенно исчез под диваном. Я одёрнула свитер и пошла открывать.

На пороге стоял Тишка. Румяный с мороза, в шапке, на-
двинутой до бровей, с неизменным любопытством в глазах.

— Доброе утро! — выпалил он. — Я ж обещал зайти.
Проверить, как вы тут. — И, не дожидаясь приглашения, су-
нул нос в дверной проём. — Ого, у вас тут тепло.

— Доброе. Заходи, раз пришёл. Чай будешь?

Тишка быстро-быстро закивал и шмыгнул в дом. Я усади-
ла его за стол, налила чаю, подвинула сахарницу.

— Как добрались вчера? — спросил он, дуя на чашку. —
Дом-то открылся?

— Открылся. Не сразу, но открылся.

— А я ж говорил! Замок там хитрый.

Я хмыкнула. Ты, Тишка, даже не представляешь, насколь-
ко хитрый. Но вслух сказала другое:

— А ты чего в такую рань? Дел нет?

— Да какие дела. Тётка в магазин уехала, а мне скучно.
Дай, думаю, проведу вас. — Он отхлебнул чай и окинул
взглядом комнату. — А тут у вас ничего так. Уютно. Только
темновато. И пахнет травами, — сморщил нос парнишка.

— Это бабушка, — пояснила я. — Она травы сушила.
Вон, целые пучки под потолком.

Тишка задрал голову, потом вдруг нахмурился:

— Слушайте, я ж вспомнил ещё кое-что. Про того мужи-
ка. Который Сумрак.

Я напряглась.

— Что именно?

— Ну, я у тётки вчера спросил. Она говорит, он не только участок купил. Он ещё про дуб расспрашивал. Очень подробно. И будто бы знал про него что-то. Тётка сказала, он и про вашу бабушку тоже спрашивал. Давно ли померла, кто наследник.

— И что тётка?

— Сказала, что наследница в городе живёт. А он спросил — приедет ли? И тётка ему ответила, что вряд ли. Потому что вы сто лет тут не появлялись и вам вроде как не до того. Это было ещё до того, как бабушка умерла. Он тогда просто спрашивал, есть ли у неё родные.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось. Значит, Сумрак искал меня. Ждал. И когда я приехала, он узнал об этом в тот же вечер.

— А ещё, — Тишка понизил голос, — тётка говорит, он не просто бизнесмен. От него холодом веет. Будто из погребка. Она его чаем поила, так рядом с ним сахарница треснула. Сама. Просто взяла и треснула.

Я вспомнила, как тени вчера легли на лицо Сумрака, и мне стало не по себе.

— Может, совпадение? — сказала я неуверенно.

— Может, — легко согласился Тишка. — А может, и нет.

И тут из-под дивана раздалось громкое, протяжное «мя-я-я-у». Тишка подпрыгнул на стуле и чуть не опрокинул чаш-

ку.

— Это ещё что?!

Из-под дивана лениво выбрался кот, потянулся и уставился на Тишку жёлтыми глазищами. Тишка уставился на него в ответ.

— Это ваш?

— Ну... теперь, видимо, да. Вчера сам пришёл. Или приехал. Я ещё не поняла.

Тишка медленно сполз со стула, присел на корточки и протянул руку. Кот обнюхал пальцы и великодушно позволил почесать себя за ухом.

— Красивый, — прошептал Тишка. — Только глаза страшные. Как в той присказке, про которую бабушка говорила.

— Какой присказке?

— Ну, — Тишка замялся, — бабка Клавдия всегда говорила: «Придёт день, и чёрный зверь с глазами-звёздами отыщет дорогу домой». Я думал, сказка. А это, выходит... — он перевёл взгляд на меня, — это ваш, да?

Я сглотнула.

— Выходит, мой.

Кот посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то почти осмысленное. Почти понимающее. И мне стало ясно впервые за всё утро: это не просто кот. И бабушка была не просто травницей. И Сумрак — не просто бизнесмен.

Тишка снова уселся за стол, и я плеснула себе ещё чаю, пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Слушай, — сказала я, глядя в чашку. — А ты бы согласился отдать вещь человеку, если бы он говорил, что она по праву его, но ты не уверен, что это правда?

Тишка задумался. Нахмурил брови. Потом выдал:

— Смотря какая вещь. Если яблоко — пусть забирает, не жалко. А если что-то важное — надо разбираться. И вообще... — он посмотрел на меня с неожиданной серьёзностью, — бабка Клавдия зря не делала ничего. Если она вам эту вещь оставила, значит, так надо.

Я вздохнула. В словах тринадцатилетнего мальчишки было больше здравого смысла, чем во всех моих вчерашних размышлениях.

— Ладно, иди, — сказала я. — А то тётка потеряет.

Тишка кивнул, натянул шапку и уже с порога обернулся:

— Я завтра ещё зайду! Интересно же, что дальше будет.

— Я сама не знаю, что дальше будет.

— Вот и я посмотрю, — искренне сказал он и выскользнул за дверь.

Я осталась в тишине. Кот запрыгнул на диван и начал вылизывать лапу. За окном серело утро. В печи потрескивал огонь. И где-то в глубине дома, в комодѐ, лежал блокнот с медальоном, который — теперь я это знала точно — был не просто украшением.

Я допила чай и пошла к комоду. Пора было прочитать ба-

бушкино письмо.

Я достала письмо из комода, присела на край дивана и повертела конверт в руках. Бумага была сухой и чуть шершавой, а внутри прощупывалось что-то маленькое и твёрдое. Я сглотнула, осторожно надорвала край и вытряхнула содержимое на ладонь.

Из конверта выпало серебряное кольцо.

Оно было старинным, с потемневшей от времени гравировкой — замысловатой вязью, отдалённо напоминавшей те узоры, что украшали наличники бабушкиного дома. В центре, в крошечных лапках-держателях, сидел красный камень — точь-в-точь такой же, как в медальоне. Только меньше.

Я поднесла кольцо к свету. Камень слабо блеснул, и на мгновение мне показалось, что внутри него что-то шевельнулось. Или просто блик. Я зажала кольцо в кулаке и развернула письмо.

Бабушкин почерк — мелкий, убористый, но аккуратный, поплыл перед глазами.

«Здравствуй, моя Кристя.

Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет. Прости, что не рассказала тебе всего при жизни. Боялась. Боялась, что знание подвергнет тебя опасности раньше времени. А теперь выбора нет.

Ты — потомственная ведьма, девочка. В тебе течёт древняя кровь. Дар, который тебя ждёт, — редкий и сильный. Он зовётся Даром Прерывания, или Печатью Безмолвия. Рядом

с тобой чужая магия гаснет, а тени перестают шептать. Ты — тишина в мире, полном шума.

Кольцо, что лежит в конверте, твой первый щит. Я носила его всю жизнь, и оно ни разу меня не подвело. Примерь. Если камень в кольце потеплеет — значит, дар уже начал просыпаться. Если станет горячим — рядом опасность. Если останется холодным — время ещё не пришло.

Медальон в блокноте — не просто украшение. Это ключ. Очень старый, очень важный и очень опасный. Я обещала передать его одному человеку, но с условием: ты должна сделать это сама и по доброй воле. Только так. Если этот человек придёт — а он придёт, — не отказывай сразу. Присмотрись к нему. Он не злодей, но слишком долго жил среди теней и забыл, что такое простое человеческое тепло. Не прогоняй его. Но и не отдавай медальон, пока не будешь уверена.

Чёрный кот — твой защитник. Ты его уже видела. Он активизируется в момент сильного потрясения, и, полагаю, сейчас он уже сидит где-нибудь на твоей подушке с видом хозяина жизни. Привыкай. Он наглый, но преданный.

Дуб за домом — не просто дерево. Он помнит всех женщин нашего рода. Когда будет совсем трудно — прислонись к нему. Он даст ответ. Или хотя бы утешит.

А теперь самое важное. Твой дар раскроется полностью только после инициации. Не пугайся этого слова. Это не страшно. Это станет возможным, когда ты по-настоящему кому-то доверишься — телом и душой. Выбор за тобой.

Береги кольцо. Береги кота. Береги медальон. И пожалуйста, береги себя. Я люблю тебя. Ты сильнее, чем думаешь.

Бабушка.

P.S. Если тот человек, что придёт за медальоном, будет слишком давить — напости ему, что Клавдия Кошкина обещала ему не только артефакт, но и проклятие, если он обидит внуку. Пусть помнит».

Я перечитала письмо трижды. На четвёртый раз буквы поплыли перед глазами, и я поняла, что плачу.

— Бабуля... — прошептала я, сжимая кольцо в пальцах. — Ты знала. Ты всё знала.

Я снова пробежала глазами по строчкам. «Инициация». «Доверишься телом и душой». Я почувствовала, как щёки теплеют, и быстро перелистнула эту часть. Подумаю об этом позже. Когда не буду сидеть одна в доме с котом и древним артефактом.

Кот, до этого дремавший на диване, поднял голову и посмотрел на меня. Потом спрыгнул, мягко вспрыгнул на колени и уткнулся лбом мне в ладонь. Я механически почесала его за ухом. Камень в кольце, зажатом в моей руке, стал тёплым.

— Тёплый, — прошептала я. — Значит, дар просыпается. Бабушка, ты серьёзно думала, что я справлюсь?!

Кот замурчал громче, и от его мурчания внутри что-то отпустило. Я вытерла слёзы рукавом свитера и надела кольцо на средний палец. Оно село идеально, будто его делали

специально для меня. Камень мягко запульсировал тёплым светом и успокоился.

Где-то в глубине дома тихо скрипнула половица. Не угрожающе — скорее, одобрительно. Как будто дом выдохнул и сказал: «Ну наконец-то».

— Ладно, — сказала я в пустоту. — Значит, так. Я — ведьма. У меня есть фамильяр-наглец, кольцо-детектор опасности и медальон, за которым охотится теневой принц. Что дальше? Дуб обнимать идти?

Кот зевнул, показав розовую пасть, и спрыгнул на пол. Потом направился к двери и посмотрел на меня через плечо. Мол, «ты сама предложила».

— Серьёзно? Прямо сейчас?

Кот мяукнул коротко и требовательно.

Я вздохнула, натянула свитер потолще и взяла куртку. Судя по тому, как быстро развивались события, дуб действительно мог оказаться непростым деревом. Кажется, моя жизнь перестала укладываться в рамки "нормально". И это начинало мне даже нравиться.

Добраться до места оказалось тем ещё квестом. Сугробы намело такие, что провалиться можно было по пояс. Окинув взглядом чудесный пейзаж из барханов снега и величественный дуб, я лишь вздохнула и направилась к сугробам.

Кот же, петляя между снежными горками, ловко добрался до места и теперь с презрительным видом взирал на меня, выражая всем своим пушистым существом: «Ну что ты, лы-

сая, там возишься? Давай скорее сюда».

Подумав и взвесив все за и против, я решила повторить его путь — и не прогадала. Снег оказался плотным. Лишь верхний слой пушистой шапки поддавался под весом, но в остальном наст прекрасно держал. Кот, конечно, был легче, но я хотя бы не провалилась по пояс — уже достижение.

Так же ловко добравшись до места, я подняла взгляд вверх и замерла в восхищении.

Дуб был огромен — крона закрывала полнеба, ствол не обхватили бы и пятеро. Я почувствовала себя песчинкой у подножия чего-то вечного.

Кот сидел у корней и деловито вылизывал лапу, всем видом показывая: «Ну, я привёл. Дальше сама разбирайся».

Я сделала шаг ближе. Потом ещё один. Протянула руку и коснулась коры.

Она была тёплой. И под этой теплотой — слабый, ровный пульс. Не как у человека, а глубже, древнее, будто само дерево дышало в такт чему-то, что я не могла услышать. Я отёрнула ладонь, уставилась на ствол, потом снова приложила пальцы. Тёплая. Не нагретая солнцем — солнца не было последние дни, — а именно тёплая, живая. Как кожа человека, у которого под поверхностью течёт кровь.

Кольцо на пальце запульсировало мягким теплом, и я почувствовала странное покалывание в ладони.

— Ты... живой? — прошептала я.

Дуб не ответил словами. Но кора под моей ладонью дрог-

нула — медленно, как будто он пробовал меня на ощупь.

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить бабушку. Её голос, её руки, запах трав. Как она стояла здесь, под этим дубом, и говорила: «Он видит тебя, Кристя. Ты ему нравишься». Тогда я смеялась. А теперь...

Тёплое кольцо на пальце, шершавая кора, тихое мурчание кота где-то внизу. И вдруг дерево выдохнуло. Не метафора — я ощутила, как под моей ладонью вздымается кора, как трещины на стволе чуть раздвигаются, выпуская тепло. Не жар — плотное, густое, как кровь. Мои пальцы онемели. Потом закололо. Потом я перестала понимать, где заканчивается дуб и начинается моя рука. Он смотрел на меня. Не глазами — памятью. Я хотела спросить его: "Что мне делать?" Но поняла, что ответ не словами. Он и так уже знал, что я вернусь.

Я распахнула глаза. Ничего не изменилось. Дуб стоял как прежде. Кот, задрав лапу, намывал пузо. Но что-то во мне самой стало иначе. Словно невидимый компас внутри дрогнул и указал новое направление.

— Ладно, — сказала я вслух, обращаясь не то к дубу, не то к коту. — Я поняла. Ты — мой друг. Ты — мой судья. И, кажется, ты действительно живой. Что дальше-то делать?

Кот перестал вылизываться, посмотрел на меня и медленно перевёл взгляд куда-то за мою спину, в сторону дома. Я обернулась. Сквозь голые ветви деревьев, вдалеке, у дороги, виднелся чёрный автомобиль.

Знакомый чёрный автомобиль.

— Уже? — выдохнула я. — Он же вроде к десяти должен был...

Кот моргнул. и потрусил обратно к дому. Я ещё раз коснулась коры дуба — тёплая, успокаивающая — и поспешила следом.

Похоже, разговор с теневым принцем состоится раньше, чем я рассчитывала. И, судя по тому, что кольцо на пальце стало чуть горячее, Сумрак был настроен серьёзно.

Кольцо на пальце пульсировало ровно — не обжигало, но и не остывало. Оно знало. Я пока нет.

Глава 8 - Тени на снегу

Я добралась до крыльца как раз в тот момент, когда из машины вышел Сумрак. Вернее, я сначала даже не узнала его. И замерла, вцепившись в перила.

Никакого пальто. Никакой чёрной рубашки. Никакого офисного лоска, от которого вчера хотелось одновременно и выпрямить спину, и спрятаться. На крыльцо поднимался мужчина в тёмных джинсах, свитере грубой вязки и короткой куртке. Волосы всё так же тёмные, взгляд всё так же тяжёлый, но без привычной деловой брони он казался... обычнее? Человечнее? Вчерашний Сумрак был угрозой. Сегодняшний — загадкой. И это пугало сильнее. Я моргнула, пытаюсь совместить в голове вчерашнюю акулу и сегодняшнего... кого?

— Доброе утро, — сказал он, останавливаясь в шаге от меня. — Я, кажется, раньше обещанного.

— Доброе. Я заметила, — пробормотала я, всё ещё разглядывая его. — А вы... Это что, джинсы?

— Джинсы, — подтвердил он, и в уголке его рта дрогнула усмешка. — В прошлый раз вы обвинили меня в том, что я выгляжу как пижон. Решил исправиться.

— Я не говорила «пижон», да и вообще ничего такого не озвучивала, — возразила я. — В мыслях, конечно, прошлась по вам... Стоп. А вы откуда узнали?

— Ну... наверное, я хорошо умею читать мысли, — он выдержал паузу и добавил: — Шучу. Просто вы очень выразительно молчите. У вас на лице всё написано.

Я невольно пригладила волосы, будто это могло стереть с лица все эмоции.

Кот, до этого сидевший у двери, поднялся, обошёл Сумрака по дуге и уставился на него с таким видом, будто прикидывал, насколько этот человек съедобен.

— Ваш? — спросил Сумрак, глядя на кота.

— Мой. Появился как чёрт из табакерки. Сразу после вас.

— Это ваш фамильяр, — произнёс он негромко, не спрашивая, а констатируя факт. — Пожиратель теней. Сильный. И, судя по выражению морды, с характером.

— И обо всём-то вы в курсе. Вы его знаете?

— Я такого видел как-то раз. Редкие твари. Ваша бабушка наверняка оставила о нём пару слов в письме.

Я вздрогнула. Откуда он...

— Вы знали про письмо?

— Знал, что оно существует. Но не знал, что в нём написано. — Он посмотрел на меня прямо, и его взгляд стал мягче. — Я всё-таки не враг вам, Кристина. И я приехал не давить. Просто поговорить. Можно?

Я молча посторонилась. Он поднялся на крыльцо, и я заметила на его свитере снежинки.

— Вы опять мёрзли на крыльце? — спросила я.

— Нет. Просто шёл медленно. Думал.

— О чём?

— О том, как начать разговор так, чтобы вы снова не обвинили меня в попытке вас убить, — он чуть улыбнулся. — Или соблазнить.

Я фыркнула. Вспомнила свои вчерашние мысли про его рубашку и мысленно отвесила себе подзатыльник.

— Заходите, — сказала я. — Чайник ещё горячий.

Он кивнул и переступил порог. Кот проводил его долгим взглядом и неспешно проскользнул следом. Я закрыла дверь и на мгновение прижалась спиной к косяку, пытаясь собраться. Вчера он был холодным, просчитывающим. Сегодня — живым, открытым, но всё ещё опасным. Разительные перемены. И это пугало даже больше, чем агрессивный деловой облик.

Я перевела дыхание и пошла на кухню.

Разлила чай по чашкам и села напротив. Сумрак устроился на том же месте, что и вчера. Кот запрыгнул на подоконник и уставился на нас с видом судьи, готового вынести вердикт.

— Итак? — я придвинула ему сахарницу. — Вы хотели поговорить. Говорите.

Он помешал чай, хотя сахар не клал вовсе, и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вы изменились, — сказал он наконец.

— За сутки? Серьёзно?

— За сутки. Вчера вы были загнанным зверьком, который

кусаются от страха. Сегодня вы сидите с прямой спиной и смотрите на меня так, будто знаете что-то, чего не знаю я.

Я вспомнила письмо. Кольцо на пальце. Дуб, который отозвался на прикосновение.

— Может, и знаю, — сказала я спокойно. — А может, просто выпалась.

— Врёте, — сказал он беззлобно. — Но я не требую откровений. Я здесь, чтобы предложить перемирие.

— Перемирие? После вчерашнего?

— Именно после вчерашнего. — Он опустил чашку на стол и чуть подался вперёд. — Вчера я надавил. Признаю. У меня были рычаги: заявление вашего бывшего, неопределённость с домом, информация о медальоне. Я их использовал. Это сработало — вы согласились сотрудничать. Но я понимаю, что на страхе далеко не уедешь.

— И поэтому вы сегодня без галстука, — хмыкнула я.

— И поэтому я сегодня без галстука, — согласился он. — А ещё я привёз хорошие новости.

Я напряглась.

— Какие?

— Я поговорил со своим юристом. Он готов помочь вам с оформлением наследства. Бесплатно. Если вы согласитесь, то уже через месяц дом будет вашим по документам.

— А взамен?

— Ничего, — он чуть улыбнулся, увидев моё недоверие. — Это жест доброй воли. Медальон по-прежнему остаётся

у вас. Когда вы будете готовы его отдать — отдадите. Я не тороплю.

— С чего вдруг такая щедрость?

— Потому что вы мне интересны, — сказал он просто. — И потому, что ваша бабушка когда-то дала мне слово, что медальон вернётся ко мне, когда «время придёт». Она не обманывала. Я тоже не хочу обманывать.

Я смотрела на него и пыталась понять, где здесь подвох. Кольцо на пальце оставалось спокойно-тёплым — не горячим, не холодным. Кот не шипел и не прятался. Никаких признаков опасности. Только мужчина, который пил чай на моей кухне и говорил странные вещи.

— А заявление Виктора? — спросила я.

— Уже решается. Мой человек поговорил с участковым. Дело закроют за отсутствием состава. Ваш бывший, конечно, может подать ещё раз, но... — он сделал паузу, — я бы на его месте этого не делал.

— Вы ему угрожали?

— Нет. Просто объяснил, что его бывшая девушка находится под моей защитой. Этого оказалось достаточно.

Я не знала, плакать или смеяться. Под защитой. Я — под защитой мужчины, которого ещё вчера называла акулой.

— Ладно, — сказала я медленно. — Допустим, я принимаю ваше перемирие. Что дальше?

— Дальше — чай, — он поднял чашку.

Я уже почти расслабилась. Почти. Чай был горячим, кот

— сонным, кольцо на пальце — спокойно-тёплым. Я даже начала думать, что жизнь налаживается.

А потом кольцо обожгло мне палец.

Я вскрикнула и отдёрнула руку. Сумрак вскинул голову и посмотрел на меня резко, без всякой сонной расслабленности.

— Что?

— Кольцо... — я потрясла ладонью, глядя, как камень пульсирует алым. — Бабушка написала: если станет горячим — рядом опасность.

Он не стал тратить время на вопросы. Просто встал из-за стола и двинулся к двери.

— Оставайтесь в доме.

— Ага, сейчас. Разбежалась. — Я рванула за ним следом, потому что оставаться одной, когда кольцо на грани пожара, было откровенно страшно.

Мы выскочили на крыльцо. Солнце уже поднялось, снег искрился так, что слепило глаза, воздух был чистым и колючим. В первое мгновение всё выглядело мирно. Даже слишком.

А потом я увидела их.

На опушке леса, метрах в ста от дома, стояли три фигуры. Они не шли — именно стояли, абсолютно неподвижно. Высокие, неестественно вытянутые, словно кто-то взял человеческий силуэт и растянул его на треть. У них не было лиц — только гладкая, серая кожа, натянутая на кости, и провалы

на месте глаз и рта. Снег вокруг них не таял, но и не лежал спокойно — он подрагивал, как от низкой вибрации.

Я смотрела на них, и вдруг одна из фигур дрогнула. Её очертания поплыли, вытянулись — плечи опустились, руки удлиннились, пальцы превратились в когти. Серая кожа натянулась на кости, и человекоподобный силуэт стал звериным. Это заняло не больше секунды, но я успела увидеть каждую стадию. Остальные две повторили трансформацию — молча, синхронно, будто по команде. Теперь на опушке стояли не люди. Три чёрных пса с пустыми глазницами, от которых исходил холод.

Их тени двигались отдельно от тел. Медленно, плавно, словно под водой. Тени шли вправо, а фигуры стояли на месте. От этого зрелища у меня закружилась голова.

— Кто это? — шёпотом спросила я.

Сумрак посмотрел в их сторону, и его лицо изменилось. Никакой расслабленности. Никакого «доброго утра». На меня глядел тот самый мужчина, которого я видела вчера на пороге: тяжёлый, холодный, смертельно опасный.

— Гончие. Теневые псы Совета, — произнёс он, не оборачиваясь. — Они не люди. Они — сгустки приказа, слепленные из тени и чужой воли. Пришли по мою душу. Ну или же по вашу.

— Почему кольцо среагировало только сейчас? — спросила я, не отрывая взгляда от фигур.

— Они ждали, пока вы вернётесь от дуба. — Он стянул

куртку. — В дом. Сейчас же.

Кот выгнул спину и зашипел. Шерсть встала дыбом, хвост раздулся в два раза. Но он не побежал к псам — он прижался к моим ногам, глухо, утробно завывая. То ли защищал, то ли сам боялся. Или и то, и другое сразу.

— В дом! — рывкнул Сумрак.

Я схватила кота поперёк живота, попятилась и захлопнула дверь. Прижалась спиной к косяку, переводя дыхание. Кот вырывался, царапал мне руки, но я держала. За окном ухало и трещало.

Я выглянула.

Первый пёс бросился молча. Он не бежал — он скользил, как капля смолы по стеклу, и там, где он проходил, снег чернел и осыпался пеплом. В воздухе запахло озоном и гарью. Сумрак стоял неподвижно. Тени вокруг него сгустились — не просто легли, а поднялись, оплели руки и плечи, как живые щупальца. Пёс прыгнул, вытянув вперёд длинные, когтистые пальцы, и столкнулся с теневой стеной. Вспышка — чёрная, беззвучная, — и его отшвырнуло в сугроб. Снег вскипел, пошёл паром. Пёс поднялся. Его плечо было вывернуто под невозможным углом, но он, не замечая, снова двинулся вперёд.

На Сумрака налетели сразу двое.

Я видела, как тени хлестнули навстречу — длинными, гибкими бичами. Один пёс увернулся, нырнув в собственную тень и вынырнув из-под земли прямо у ног Сумрака. Тот

отшагнул, но поздно: острые когти полоснули его по левому боку. Я услышала треск ткани и сдавленный выдох. По свитеру расплылось тёмное пятно.

— Нет! — я дёрнулась к двери, но кот вцепился в мой рукав зубами и зашипел, не пуская. Я не хотела смотреть, как он умирает. И это было страшнее, чем смотреть на Гончих.

Второй пёс атаковал в лоб. Сумрак перехватил его на полпути — тень сгустилась в подобие клинка, короткого и широкого, и он рассёк пса от плеча до пояса. Рана не кровоточила — она дымилась. Пёс завыл — не ртом, а всем телом, — и начал рассыпаться чёрным пеплом, медленно, слой за слоем.

Третий отступил.

Повисла пауза. Я слышала только собственное дыхание и тихое рычание кота, всё ещё висящего на моём рукаве. Сумрак стоял, тяжело опираясь на правую ногу. Левый бок был чёрным от крови — человеческой, не тeneвой. Он прижимал к ране ладонь, и между пальцев сочилось алое.

Двое оставшихся псов заговорили. Не ртом — голос прозвучал прямо в голове, в висках, в позвоночнике. Он скрёбся изнутри, как ногти по кости.

«Принц. Ты нарушил соглашение. Девчонка и камень принадлежат Совету. Твоя привилегия аннулирована. Сопротивление — смерть».

— Совет, — произнёс Сумрак сквозь зубы, и голос его прозвучал почти спокойно, — может засунуть свою приви-

легию себе же в глотку. Девчонка и камень останутся здесь. Передайте им: ещё одна попытка — и я приду не как проситель, а как наследник. Со всеми долгами, которые за мной числятся.

Он выпрямился. Кровь капала на снег, но тени его больше не оплетали — они встали стеной. Чёрной, плотной, дышащей.

Псы смотрели. Долго. Потом одновременно, словно получив беззвучный приказ, отступили на шаг. Ещё на шаг. Истаяли чёрным туманом, оставив после себя только выжженные полосы на снегу и запах — едкий, как палёная шерсть.

Сумрак постоял, провожая их взглядом, потом медленно, очень медленно развернулся и пошёл к дому. Я распахнула дверь, не дожидаясь стука.

Он поднялся на крыльцо и прислонился плечом к дверному косяку. Выглядел он паршиво. Бледный, на скуле — тонкая алая царапина, а свитер на боку был распорот и пропитан кровью.

— Вы ранены. И, кажется, очень сильно, — выдохнула я, хватая его за рукав. — Заходите. Сейчас же.

— Заживёт. — Он попытался усмехнуться, но вышло криво. — У вас есть бинты?

— Откуда? Я вчера только приехала! — Я уже тащила его в дом, не слушая возражений. — Но йод, кажется, был в кладовке. И полотенца.

Кот, наконец отпустивший мой рукав, запрыгнул на стол и

установился на Сумрака с видом санитара, оценивающего пациента.

— Что это за Совет? И почему они напали?

Сумрак поморщился, прижимая ладонь к ране:

— Теневой Совет. Пятеро, которые правят Изнанкой вместо меня. Я — наследник. Точнее, был. А теперь я — тот, кто не вернулся на их условиях. А вы — та, кто может меня либо спасти, либо похоронить. Им это не нравится.

— Я? Похоронить? — Я замерла с полотенцем в руках. — Я вас даже не знаю толком.

— Вот и узнаете как раз, — сказал он, не открывая глаз. — Заодно поговорим и про дуб, и про медальон. Только дайте мне пять минут прийти в себя. И несите этот ваш... йод.

— Так, снимайте всё с себя. Мне нужно обработать рану, а одежда мешает.

Поморщившись от боли, он одним движением сдёрнул с себя и футболку, и свитер.

Я ожидала увидеть тело бизнесмена — гладкое, холёное. Но под рубашкой оказались мышцы, привыкшие к движению. Шрамы на рёбрах — старые, белые — говорили о том, что он не только сидел в кабинетах.

Я сделала глубокий вдох и постаралась не смотреть на его плечи, на то, как мышцы перекачиваются под кожей, когда он дышит. Это было выше моих сил.

Кот прыгнул со стола и уселся у моих ног. Я намочила полотенце и принялась стирать кровь с его бока. Когда мои

пальцы коснулись раны, он чуть выдохнул — не от боли, а скорее от того, что позволил себе расслабиться. Это было почти доверие.

Руки дрожали. От адреналина. От того, что он только что рисковал жизнью — за меня. И теперь я могла касаться его, а он позволял. Это было... слишком. Слишком много для одного утра. А ещё пришло осознание: только что на моих глазах убили существо. И тот, кто его убил, сейчас сидит на моей кухне и просит пять минут.

— С ума сойти, — прошептала я.

— Ага, — хрипло отозвался Сумрак и наконец открыл глаза. — Добро пожаловать в мой мир.

— Почему они смогли подойти так близко? — спросила я, накладывая бинт.

— Контур дома не пропускает магию Совета, — ответил он, не открывая глаз. — Но ты ещё не научилась его активировать. А я не могу сделать это за тебя. Он слушается только ведьму, которая в нём живёт.

Глава 9 — Сумрак. «Трещина в броне»

Крис стояла перед ним с окровавленным полотенцем в руках. Её пальцы дрожали — то ли от адреналина, то ли от чего-то ещё. Она смотрела на него, хмуря брови, и явно пыталась переварить услышанное. Сумрак видел это по её лицу — читать мысли ему не требовалось.

— Так, снимайте всё с себя. Мне нужно обработать рану, а одежда мешает.

Он приподнял бровь. Приказы. Ему. От неё. Это было... необычно. И непривычно приятно.

Поморщившись от боли, он одним движением сдёргнул с себя и футболку, и свитер.

Она замерла. Всего на секунду — но он заметил. Заметил, как она глубоко вдохнула, как расширились её зрачки, как она торопливо отвела взгляд. Его губы дрогнули в усмешке. Значит, он ей всё-таки интересен. Не как Принц Теней, не как бизнесмен. Как мужчина.

Кот спрыгнул со стола и уселся у её ног, сверля Сумрака жёлтыми глазами. Сумрак ответил ему таким же долгим взглядом. Они поняли друг друга без слов: «Я за ней присмотрю, человек. Не накосячь».

Крис намочила полотенце и принялась стирать кровь с его

бока, стараясь не коситься на пресс. У неё плохо получалось. Он чувствовал, как подрагивают её пальцы. Чувствовал тепло её кожи даже через влажную ткань полотенца. И это вызвало в нём странное, почти забытое чувство — желание. Не то, которое он привык удовлетворять быстро и без эмоций. Другое. Глубокое. Опасное.

— С ума сойти, — прошептала она.

— Ага, — отозвался он. — Добро пожаловать в мой мир.

Она отложила полотенце, взяла йод и снова склонилась над раной. От её прикосновений по телу разливалось тепло — совсем не такое, какое он привык ощущать в Теневом Мире. Там всё было холодным: лица, руки, постель, сделки. А здесь, на старой деревенской кухне, было тепло. И это сбивало с толку.

— Расскажите мне, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я хочу понять всё. Что это за Совет на самом деле? Почему они правят? И при чём тут я?

Он помолчал, собираясь с мыслями. Она имела право знать. Особенно после того, что случилось.

— Теневой Мир устроен иначе, чем ваш, — начал он. — Это не ад и не параллельная вселенная. Это Изнанка вашей реальности. Всё, что люди прячут, чего боятся, о чём лгут, — всё это оседает там. Мы, теневые сущности, — Порядок Тьмы. Мы следим, чтобы тьма не захлестнула реальность, но и не исчезла совсем. Без тьмы нет света. Таков Закон Баланса.

Она слушала, не перебивая, и продолжала аккуратно смазывать края раны. Йод щипал, но он уже почти не замечал боли — слишком был занят тем, чтобы подбирать слова.

— Совет Пяти — это Высшие Лорды. Каждый управляет своей Доминией: Страх, Лжи, Боли, Зависти и Хаоса. Доминия — это не просто территория, это... специализация. Весь Теневой Мир поделён на эти сектора. В теории Совет служит Трону. На практике — последние триста лет они узурпировали власть и не хотят её отдавать.

— А кто правил до них? — спросила она, не поднимая глаз.

Он замер на секунду. О своём роде он не говорил никому уже очень, очень давно.

— Мой род, — произнёс он тихо. — Дом Свайронов. Мы правили Теневым Миром веками. Были Верховными Арбитрами — первыми среди равных. Скрепляли договоры, управляли потоками тьмы, разрешали споры между Лордами. Без Принца на Троне Теневой Мир погружается в хаос. Тени бесконтрольно выплёскиваются в реальность — вы называете это «плохими местами», «проклятыми домами», «полтергейстом». А теперь представь, что Принца нет уже триста лет.

— Гончие, которые напали...

— Их создают из сгустков приказа и чужой воли. У них нет души. Нет страха. Нет гибкости. Они выполняют приказ — и всё. Идеальные солдаты. Сегодня они проверяли, на-

сколько ты опасна. И, судя по тому, что один из них рассыпался в пепел, ответ их не обрадует.

Она подняла глаза и посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— А вы? Где были вы всё это время?

Он усмехнулся — криво, устало.

— Здесь. В человеческом мире. Без трона. Без власти. Без права вернуться. Потому что я утратил медальон. Медальон — это Ключ к Трону. Таков Закон Наследования: власть передаётся по крови, но для подтверждения права нужен артефакт. Без него наследник — изгнанник. Мудрый закон: он должен был предотвратить войны за престол. Но он же стал ловушкой для меня.

— Как вы его потеряли?

Он помолчал. Этот вопрос был личным. Но она имела право.

— Меня предали. Тот, кому я доверял, украл медальон и передал его врагам. Потом артефакт исчез — на много лет. А я остался здесь. Без надежды вернуться.

— И моя бабушка его нашла?

— Да. И спрятала так, что никто не нашёл бы. А потом взяла с меня Слово. Нерушимое. Скрепила его Тенью. Я поклялся, что получу медальон только добровольно, из рук наследницы. Если я его украду — Законы Тени разорвут меня в клочья.

Она нахмурилась.

— Но вы же могли просто... прийти и попросить. Зачем было давить?

— Потому что я дурак, — признал он, и это было самое честное, что он сказал за вечер. — Потому что привык решать вопросы силой. Потому что не умею просить. И потому, что рядом с тобой я теряю контроль — а это самое страшное, что может случиться с таким, как я.

Она отложила ватку и выпрямилась. Посмотрела на него так, словно видела впервые.

— И что теперь?

— Теперь, — он поднялся, морщась от боли, и накинул свитер, — Совет не остановится. Сегодня они прислали троих. Завтра пришлют больше. Ты им нужна, Кристина. Твой дар — Прерывание. Это способность обнулять Законы Тени. Рядом с тобой Гончие теряют связь с Советом и рассыпаются. Я перестаю слышать Шум — тот самый, который сводит меня с ума последние триста лет. Ты — ходячая сингулярность, чёрная дыра, где наши законы перестают работать. Совет хочет либо использовать тебя как оружие, либо уничтожить.

Она сглотнула, но взгляда не отвела.

— А хорошая новость в том, — продолжил он, — что твой дар — это не проклятие. Это инструмент восстановления Баланса. Тьма не должна поглотить свет, а свет — тьму. Ты — весы. И твоя бабушка знала это. Она заключила со мной сделку, потому что понимала: мы оба нужны друг другу. Ты

не можешь без меня, а я — без тебя. Таков Закон Баланса.

Он двинулся к двери.

— Завтра я приеду снова. Мы начнём тренировки. Ты должна научиться контролировать дар.

— А если я не согласна?

Он обернулся. Она стояла посреди кухни — растрёпанная, уставшая, но с прямой спиной и вызовом в глазах. В свете лампы её волосы отливали медью. Кот сидел у её ног, и их глаза — жёлтые и зелёные — смотрели на него одинаково пристально.

— Тогда Совет рано или поздно найдёт способ тебя уничтожить, — сказал он честно. — Без защиты ты долго не протянешь. Но...

Он замолчал. Слова, которые рвались наружу, были лишними. Они не входили в сделку. Они вообще не имели отношения к делу.

— Но? — она прищурилась.

— Но я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, — произнёс он тихо.

И вышел.

На крыльце он остановился, вдохнул морозный воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Он не привык к такому. Он вообще не привык чувствовать. Триста лет — только расчёт, только сделки. А теперь — дрожь в пальцах, которые только что касались её руки. И тепло где-то под рёбрами, которое не имело ничего общего с раной.

Он думал о ней. О том, как она замерла, увидев его без рубашки. Как старалась не коситься, но всё равно косилась. Как пальцы её дрожали, а дыхание сбивалось. Она хотела его — он это знал. Но она и боялась этого. И сопротивлялась. И это сопротивление почему-то заставляло его сердце биться быстрее.

Он не знал, что такое любовь. Не знал, как она ощущается, как называется, что с ней делать. Он никогда не был в отношениях. Только выгода и плотские желания. Только короткие связи, которые не оставляли следа.

Но эта девчонка оставит. Он уже чувствовал это.

Он сел в машину и завёл мотор. Завтра он вернётся. Не потому, что нужно. Потому, что хочет.

И это было самым опасным из всего, что случилось за последние трое суток.

Глава 10 — «Совет Пяти»

Зал Совета не имел стен. Он не имел потолка. Он не имел пола в привычном понимании — лишь застывшая чёрная гладь, отражавшая несуществующий свет. Вечный сумрак стоял над головой, и в этом сумраке плавали, медленно вращаясь, пять исполинских кресел, вырезанных из живого обсидиана.

В креслах сидели те, кого смертные называли бы богами. Или чудовищами. Истина, как обычно, лежала где-то посередине.

Первым заговорил Лорд Страха. Грузный, массивный, с голосом низким и вязким, как смола. Он опирался на подлокотники кресла, и тени вокруг его пальцев шевелились, словно живые.

— Гончие вернулись?

Пауза. Слова упали в тишину и медленно растворились в ней.

— Один уничтожен, — уточнил Лорд Боли, и его тон был почти безразличен. Худой, изломанный, он сидел в своём кресле, подперев висок длинными, похожими на спицы пальцами. — Двое отозваны. Доклад перед нами.

В центре зала из чёрной глади поднялся сгусток тени. Он развернулся в неровный свиток, и по нему пробежали багровые строки — краткий отчёт Гончих, записанный телепати-

ческим эхом. Лорд Лжи, чьё лицо менялось каждую секунду, прочёл первым. Его губы искривились то ли в усмешке, то ли в гримасе.

— Принц защищает девчонку. Это ожидаемо. Неожиданно другое: девчонка действительно аномалия. Гончие потеряли связь в её присутствии. Один рассыпался в пепел ещё до того, как Сумрак нанёс удар. Это Прерывание. Чистое, беспримесное, абсолютное.

— Опасно, — произнесла Леди Зависти. Её голос был мелодичен, но в нём звенело битое стекло. — Если она научится контролировать дар, мы потеряем рычаги. Сначала связь Гончих, потом — клятвы Договоров, затем — сама структура Доминий. Моя Доминия первой окажется под ударом. Она и так нестабильна.

Леди Зависти сжала подлокотники кресла, и на мгновение её истинное лицо проступило сквозь маску: хищное, угловатое, с глазами, горящими зелёным огнём. Она завидовала. Завидовала Сумраку, у которого была такая союзница. Завидовала Крис, в которой спала такая сила. Завидовала даже Лорду Страха, который всё ещё контролировал свою Доминию без оглядки на каких-то там ведьм.

— Устранить, — коротко предложил Лорд Боли.

— Не спеши, — остановил его Лорд Страха. — Устранение — крайняя мера. Мы не знаем, как отреагирует дар. Если аномалия выплеснется в момент смерти, последствия могут быть непредсказуемы.

— Смерть — это просто боль. Боль я контролирую.

— Ты контролируешь боль В ПРЕДЕЛАХ своей Доминии, — отрезал Лорд Страха. — А эта девчонка — Прерывание. Она не принадлежит ни к одной Доминии. Она — пустота. Ты не можешь контролировать пустоту.

Повисло молчание. Лорд Боли поджал губы, но возражать не стал.

Лорд Хаоса, до этого не произносивший ни слова, издал булькающий смешок. Его фигура в кресле постоянно меняла очертания: то шар, то куб, то бесформенная клякса, то подобие человеческого силуэта с тремя головами.

— Мне нравится пустота, — сообщил он. — Она... хаотична.

— Тебе всё нравится, — отмахнулся Лорд Лжи. — Вернёмся к делу. У нас есть два объекта: Принц и аномалия. Принц — изгнанник. Аномалия — неизвестная переменная. Что мы о ней знаем?

Леди Зависти подалась вперёд. Её глаза блеснули.

— Девчонка — последняя из рода Кошкиных. Ведьмы. Дар передаётся по женской линии. Бабка была хранительницей медальона. Внучка, судя по всему, ещё не инициирована. Значит, её сила — лишь вершина того, чем она может стать.

— Значит, нужно не допустить инициации, — заключил Лорд Боли.

— Или использовать её, — возразила Леди Зависти. —

Если аномалия так сильна до инициации, представьте, какой она станет после. Тот, кто будет контролировать её, получит оружие против любого из нас. Против всех нас. Против Совета.

— Ты предлагаешь её переманить? — уточнил Лорд Страха.

— Я предлагаю подумать, прежде чем резать.

Лорд Хаоса снова булькнул смехом.

— О, Зависть. Ты просто хочешь то, что есть у Принца. Как всегда.

— Замолчи, Хаос.

— Тихо, — оборвал их Лорд Страха. Он поднялся в своём кресле, и тени сгустились вокруг него, словно придвинулись ближе, внимая. — Мы теряем время. Гончие потерпели неудачу. Принц предупреждён. Аномалия осознала свою силу. С каждым днём они будут сильнее, а мы — уязвимее. Нужно действовать.

Он замолчал. Его взгляд ушёл куда-то далеко, за чёрную гладь, за пределы зала.

— Я помню день, когда мы изгнали его, — произнёс он тихо.

Лорды переглянулись. Это было давно. Очень давно. Но память Теней не тускнеет.

— Он стоял здесь, — продолжал Лорд Страха, и перед его мысленным взором ожила картина. — Молодой, яростный, с медальоном на груди. Мы зачитали обвинение: нарушение

Закона Баланса, попытка единоличной власти, угроза Доминиям. Он молчал, пока мы говорили. А потом, когда мы потребовали медальон...

Лорд Лжи хмыкнул.

— Он сказал: «Вы пожалеете». И исчез.

— Он сказал: «Вы пожалеете», — повторил Лорд Страха.
— С тех пор прошло триста лет. Мы не жалели. Но теперь...

— Теперь у него появилась надежда, — закончила Леди Зависти. — И эта надежда сидит в старом деревенском доме и даже не знает, кем является.

— Именно. — Лорд Страха обвёл взглядом Совет. — Я предлагаю два пути. Первый — устранить аномалию, пока она не инициирована. Быстро. Тихо. Пока Принц не научил её защищаться. Второй — предложить ей сделку.

— Сделку? — переспросил Лорд Лжи. — Ты серьёзно?

— Девчонка не знает нашего мира. Она напугана, одинока и не доверяет Сумраку до конца. Мы можем предложить ей защиту. Ответы. Безопасность. Взамен — лояльность. Или хотя бы нейтралитет.

— А если откажется?

— Тогда устранить.

Леди Зависти улыбнулась — тонко, холодно.

— Мне нравится этот план. Кто будет вести переговоры?

— Не я, — отрезал Лорд Боли. — Мои методы не подходят для дипломатии. Моя Доминия — боль. Я не умею... уговаривать.

— Я возьму это на себя, — произнесла Леди Зависти. — У меня есть опыт. И у меня есть понимание человеческой природы. Девчонка недавно рассталась с мужчиной. Она уязвима. Одинока. Ей нужно, чтобы кто-то был на её стороне. Я смогу это дать.

— А ты, — Лорд Страха повернулся к Лорду Лжи, — подготовь запасной план. Если Зависть потерпит неудачу, мы должны знать, как устранить аномалию быстро и без последствий.

Лорд Лжи кивнул. Его лицо на мгновение стало точной копией лица Сумрака: жёсткого, холодного, с тяжёлым взглядом. Потом черты поплыли, превращаясь в женское лицо — Крис. Затем — снова изменились, и по залу пронеслось эхо тихого смеха.

— Сделаю, — пообещал Лорд Лжи. — У меня есть пара идей.

— Как и у всех нас, — пробормотал Лорд Боли.

Лорд Хаоса запрокинул свою бесформенную голову и расхохотался.

— О, это будет интересно! Принц, аномалия, Зависть, Ложь — все против всех! Хаос! Настоящий хаос! Слушайте, а давайте я поставлю на девчонку?

— Ты всегда ставишь на аутсайдеров, — заметила Леди Зависти.

— Потому что они выигрывают, — ответил Хаос. — Или проигрывают. Никогда не знаешь заранее. В этом суть.

Лорд Страха поднял руку, и смех оборвался.

— Решено. Зависть готовит контакт. Ложь готовит устранение. Боль и Хаос — резерв. Я же пока... поговорю с Принцем. По-своему.

Тени сгустились вокруг его кресла, и Лорд Страха исчез первым. Лорд Боли растворился следом, не проронив ни слова. Лорд Хаоса исчез, всё ещё посмеиваясь. Лорд Лжи поднялся и шагнул в собственную тень, которая тут же развернулась в зеркальный коридор — бесконечный, искажающий, полный неверных отражений.

Леди Зависти покинула зал последней. Её каблуки — точнее, их теневое подобие — цокали по чёрной глади, не оставляя следов.

В личном крыле Доминии Зависти она остановилась. Здесь всё дышало роскошью, которая не приносила радости: драгоценные кубки рассыпались в прах, стоило их коснуться, гобелены выцветали на глазах, а кушетки были набиты не пухом, а чужими несбывшимися мечтами. Леди Зависти ненавидела свою Доминию. И завидовала всем, у кого было хоть что-то настоящее.

Она взмахнула рукой — из тени выскользнул слуга, бесформенный и бессловесный.

— Найди мне всё о её бывшем, — приказала она. — Виктор Тарасов. Тридцать четыре года. Мелочный, завистливый, любит контроль. Если в его сердце есть хоть капля обиды — а она там есть, — мы используем её. И ещё: подготовь мне

выход в человеческий мир. Мне нужно будет встретиться с девчонкой. Лично.

Слуга исчез. Леди Зависти опустилась в кресло и уставилась на одну из драгоценных безделушек — изумрудный кулон, который начал тускнеть прямо у неё на глазах.

— Посмотрим, Кристина Кошкина, — прошептала она, — на чьей ты стороне. И можно ли тебя переубедить.

В это время в Доминии Лжи Лорд Лжи шагал по бесконечному зеркальному залу. Его отражения — сотни, тысячи отражений — жили своей жизнью. Некоторые улыбались, некоторые хмурились, некоторые вообще не походили на него. Он остановился перед одним из них — тем, что выглядело как Крис.

— Ты — проблема, — сказал он отражению. — Ты — неизвестная переменная. Я не люблю неизвестные переменные. Но я знаю, как их решать.

Отражение Крис моргнуло. И улыбнулось. Не своей улыбкой — чужой, холодной, как лёд.

— Скоро, — пообещал Лорд Лжи. — Скоро мы узнаем, из чего ты сделана.

Отражение рассмеялось беззвучным смехом и растаяло. А Лорд Лжи уже шагал дальше, разворачивая в воздухе нити будущих интриг.

В зале Совета воцарилась тишина. Чёрная гладь под ногами оставалась неподвижной. Но где-то на её поверхности, в самой глубине, дрогнула и погасла крошечная алая точка —

там, где на карте была Лопухинка.

Совет принял решение.

Игра вступила в новую фазу.

Глава 11 — Кристина.

«Эхо прошлого»

Время перевалило за полдень и плавно шло к закату к тому моменту, как Кристина проводила Дмитрия на выход. Она смотрела в окно, как он спускается с крыльца, садится в автомобиль и медленно скрывается за поворотом. Чёрная, лакированная, такая неуместная на просёлочной дороге — как и её хозяин.

Я медленно выдохнула, пытаясь скинуть с себя груз всего произошедшего, но облегчения не ощутила. Потому что мысли в голове всё ещё роились и закручивались — тяжёлые, вязкие, они наматывали круги, как заезженная пластинка.

Совет Пяти. Теневой мир. Гончие. Мой дар Прерывания. И Дмитрий Сумрак — принц теней и сексуальный идол всех женщин на несколько тысяч километров вокруг. Хищник, который манит жертву в свою ловушку. Прожжённый циник и прагматик до мозга костей. Тот, кто только что сидел на моей кухне без рубашки, весь в крови, а потом озадачил заявлением, что не хочет, чтобы со мной что-то случилось и я пострадала.

Что это? Симпатия с его стороны или голый расчёт, чтобы я отдала ему медальон?

Так, стоп. Я прижала руку к горячей щеке. Вот же ж обо-

льститель. Соберись уже, Крис. Он, конечно, красавчик и влажная мечта всех девчонок, но не как цель для романтических глупостей.

Кот спрыгнул с подоконника и уселся посреди кухни, кидая на меня осуждающий взгляд своих пронзительных жёлтых глаз.

— Что? — огрызнулась я. — Вот даже не смей на меня так смотреть!

Он моргнул. Медленно, по-кошачьи. Но в этом взгляде я ощутила столько скепсиса, что даже стало чуточку обидно.

— И вообще, — я ткнула в него пальцем, — ты кто такой, чтобы меня осуждать? Жуи свой собачий корм и молчи.

Кот зевнул, открывая розовую пасть, медленно потянулся и подошёл к пустому блюду. Обнюхал. Поднял голову и посмотрел с выражением «Ты серьёзно, мать? Тут пусто вообще-то».

— Ладно, — сдалась я. — Пойду дойду до магазина, пройду. Ты со мной, пушистый?

Кот лишь махнул хвостом и запрыгнул на диван, свернувшись в клубок. С таким видом, будто я глупая кошка, которой почему-то не сидится дома в тепле.

Магазин в Лопухинке был один. Маленький, покосившийся домик с облезлой краской на вывеске и сводящим с ума запахом свежего хлеба, который проникал в душу быстрее, чем я успела захлопнуть дверь. За прилавком сидела румяная тётенька с бирюзовыми тенями на веках и с выражени-

ем лица, в котором смешались уверенность, что ей тут все обязаны, и цепкость ретивого дознавателя, который любыми методами достанет из вас правду.

— Добрый день. Будьте добры, дайте буханку хлеба, пачку молока и упаковку гречневой крупы, — перечислила я. — И скажите, у вас есть кошачий корм?

— Есть. — Тётка полезла за прилавок и вытянула пакет сухого и парочку маленьких с влажным кормом с этикеткой сомнительного содержания. — Питомцем обзавелись? Видела я тебя, как ты к дому Клавдии шла. Внучка её, что ли, пропащая? Во девка бессовестная. Бабуля-то твоя померла, так мы всей деревней похороны организовали, а от тебя — ни слуху ни духу. Явилась, называется Ни стыда, ни совести.

Продавщица назвала сумму, я быстро оплатила и ретировалась от столь недружелюбного приёма. На душе скребли кошки. Я до сих пор корила себя за то, что не смогла попрощаться с бабулей. Но в том моей вины по сути не было

Воспоминания

Бабушка умерла осенью.

Я узнала об этом от её соседки — та позвонила мне на мобильный. Голос у соседки был тихий, сочувствующий, и я сразу поняла: случилось что-то плохое. Она сказала: «Клавдия отошла во сне. Врачи сказали, что это сердце. Господь храни её душу. Похороны будут в четверг. Ты приедешь?»

Я сказала «да» и положила трубку. Села на пол в прихожей и просидела так, наверное, полчаса. Виктор пришёл с

работы, увидел меня и спросил, что случилось. Я рассказала ему. Он промолчал, потом вздохнул и произнёс то, чего я совершенно от него не ожидала:

— Конечно, поезжай. Вот деньги на билет.

Я уставилась на него, не веря. За два года он ни разу — НИ РАЗУ — не отпускал меня никуда без скандала. А тут предложил сам. Я расслабилась, даже подумала: может, он не такой уж мудака? Может, в трудную минуту он способен на что-то человеческое?

О, Крис. Наивная и глупая Крис.

За день до похорон Виктор ушёл на работу и не вернулся.

Сначала я не волновалась. Ну задержался, ну пробки, ну дела. К десяти вечера начала звонить ему — абонент был недоступен. К полуночи я впала в панику. Обзванивала всех его друзей, всех коллег, чьи номера нашла в его записной книжке, но никто не знал, где он. Один сказал: «А он разве не к маме поехал?» Другой: «Я думал, он в командировке». Никто не знал. Никто. Никогда. Ничего. Не. Знал.

Я не спала всю ночь. Звонила во все больницы. В морги. В полицию. Мне отвечали: «Таких не поступало». И я не знала, радоваться этому или плакать.

Наступило утро четверга. День похорон. Я сидела в прихожей на чемодане, с билетом в руке, и смотрела на телефон. Мой поезд ушёл. Потом второй. Потом стемнело.

Бабушку похоронили без меня.

В пятницу Виктор вернулся как ни в чём не бывало. Я

услышала, как ключ поворачивается в замке, и вскочила, ещё надеясь на чудо. Может, что-то случилось? Может, беда? Может, он сейчас всё объяснит?

Он зашёл с бутылкой пива. Свежий и довольный. В чистой рубашке.

— Ты где был?! — заорала я.

— У Серёги. А что?

Он даже не потрудился изобразить удивление.

— Ты ты что, серьёзно? Я тебе звонила! Я всех обзвонила! Я думала, с тобой что-то случилось и ты умер!

— Прекрати нести бред. Я разве не говорил, что к Серёге поеду? Говорил. Ты просто не слушаешь, как обычно.

И от этого «как обычно» меня затошнило. Потому что ничего он не говорил. Потому что я бы запомнила. Потому что я сидела на чемодане сутки, пока мою бабушку закапывали в мёрзлую землю, а он в это время пил пиво и смотрел футбол у какого-то Серёги.

— Ты что, не поехала? — спросил он, открывая бутылку. — Ну и дура. Я ж тебе деньги дал.

Я не заплакала. Я просто развернулась и ушла на кухню. Что-то сломалось у меня внутри в тот момент. Окончательно и бесповоротно. Наверное, это была та самая ниточка, на которой ещё держались наши отношения.

Но добила меня не ложь и не исчезновение. Даже не похороны, которые я пропустила. Добило то, что спустя два дня он сказал:

— Слушай, ну я не понимаю, чего ты злишься так. Она старая была, всё равно бы умерла. А ты бы что сделала? Цветочки положила? Ну положи мысленно. Какая разница.

Вот тогда я поняла, что не просто разлюбила. Я его ненавижу.

Вынырнув из воспоминаний, я направилась домой.

Кот встречал меня у калитки, хотя я точно помнила, что пушистый оставался в доме. Сидел, обернув хвост вокруг себя, и щурился, глядя на закатное солнце.

При виде пакета с кормом он лишь дёрнул ухом.

Дома я высыпала корм в миску и замерла.

Кот не ел. Он просто стоял на месте, склонив голову над миской. Не двигался, застыв словно статуя.

— Ты чего? — спросила я.

И тут я впервые поняла, что он чувствует. Я ощутила это непонятным образом. В голову словно пришёл образ или эмоция. Он скучал. По бабушке. По её рукам, по её старческому голосу, по тем вечерам, когда она гладила его за ухом и называла «хорошим мальчиком». Он помнил её и ждал. И не мог понять, почему она больше не приходит.

Я присела на корточки и протянула к нему руку.

— Эй, — тихо позвала я. — Я тоже по ней очень скучаю.

Кот поднял голову, и в его жёлтых глазах мелькнуло что-то нечеловеческое, но почти осмысленное. Он ткнулся лбом в мою ладонь. Я почесала его за ухом.

— Ничего, мой хороший, — прошептала я. — Мы обязательно со всем справимся. Вместе.

Он не ответил, но в груди потеплело, и это тепло не было моим. Оно было нашим.

Я сидела на полу кухни, гладила кота по спине и думала о том, что мир окончательно сошёл с ума. Ещё неделю назад я жила с Виктором и терпела все его выходки, а теперь я живу в деревенском доме, у меня есть загадочный кот-фамильяр и теневой принц, который обещал вернуться завтра, но почему-то до сих пор не приехал.

— Как думаешь, хвостатый? — спросила я кота. — Почему он не приехал?

Кот потянулся и боднул меня головой в руку.

А потом я озадачилась: кот до сих пор был не назван. Надо придумать ему какую-то кличку. Взвесив все варианты, я начала перечислять вслух:

— Как тебе имя Черныш? Нет? Хм-м может, тогда Уголёк? Тоже нет?

Кот фыркнул и повернулся пушистой попой.

— Так, нужно подумать Какие у тебя есть качества, кроме чёрного цвета? Ты тихий и почти незаметный, иногда шуршишь и пугаешь? Ну и точно ты ещё тот наглец. — Я подпёрла подбородок пальцем и воскликнула: — Кажется, я придумала! Как тебе имя Шорох?

Кот встрепенулся и уставился на меня удивлённо-одобрительным взглядом. Затем одобрительно завёл протяжное

«Мя-я-я-у» и начал тереться об ногу.

— Ну и чудесненько, что мы определились с твоим именем.

Я уже собралась встать и заняться своими делами, но тут кольцо обожгло мне палец ледяным холодом.

Я подскочила. Кот зашипел и вздыбил шерсть, глядя на дверь. Я медленно, стараясь не шуметь, подошла к окну и выглянула, прикрываясь шторкой.

У калитки стояла женщина.

Высокая, стройная, в элегантном деловом пальто, которое стоило больше, чем моя годовая зарплата. Она не шла. Никого не звала. Просто стояла и ждала. Увидев в окне меня, она улыбнулась — широкой, приветливой улыбкой, от которой у меня лишь разлился холод в руках, медленно пробираясь внутрь.

— Кристина, здравствуйте! — донёсся до меня мелодичный голос. — Меня зовут Вероника, и я хотела бы с вами поговорить.

А в голове пронеслась едкая мысль: «Что-то стало слишком много тех, кто хочет со мной просто поговорить. А по факту потом выясняется, что хотят отжать что-нибудь или получить».

Кот зарычал. Кольцо опять напомнило о себе ледящим холодом.

— Я хотела бы поговорить о вашей бабушке, — продолжила женщина с улыбкой на лице. — И о человеке, который

представляется Дмитрием Сумраком. Он вам не друг. А я бы могла им стать.

Кот выгнул спину дугой и зашипел ещё пуще. В его глазах читался не страх — предупреждение. Он словно говорил в моей голове, так ясно и отчётливо: «Ну что, хозяйка, сейчас начнётся самое интересное. Готова?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.